

Николай
ЯКУШЕВ

БАЖКИ НА МУШКЕ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай Якушев
Банкир на мушке

«Научная книга»

2004

Якушев Н.

Банкир на мушке / Н. Якушев — «Научная книга», 2004

Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется... Не проболтайся любовница банкира Шапошникова своей подруге Марине о том, что тот привезет ей в день рождения пятьдесят тысяч баксов, была бы она жива и здорова. И банкир не получил бы в живот порцию картечи! Марина безо всякой задней мысли поведала о деньгах своему любовнику Николаю, а тот оказался членом банды отморожков. Дальше – больше... Марина попадает в больницу, а Николай собирается ее убить, как важную свидетельницу. Но когда оперативник Дынин захватывает преступника, его бывшие «кореша» во главе с неким Чемпионом хотят уничтожить уже самого Николая. Они берут в заложники пациентов и персонал больницы, а Дынин практически в одиночку выходит против целой банды...

© Якушев Н., 2004

© Научная книга, 2004

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Якушев

Банкир на мушке

© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Это неверно, что больница никогда не спит. Даже здесь случается так, что все замирает и наступает сонное оцепенение. Коридоры погружены в полумрак и пусты. Одиноко светят настольные лампы на столах постовых медсестер. За ребристым стеклом дверей, ведущих в палаты, темнота и неясное бормотание забывшихся тяжелым сном пациентов. На жесткой кушетке в холодной ординаторской, не снимая халата, спит дежурный врач. И даже постовые медсестры дремлют: кто украдкой за столом, уронив отяжелевшую голову на грудь, а кто и с относительным комфортом в пустой палате, на голом матраце. Входная дверь, однако, остается открытой, чтобы при малейшей тревоге как ни в чем не бывало вернуться на пост. «Сестра, сестра, да где же вы, наконец?!» – «Здесь я, отошла на минуточку! Что я – на минуточку отойти не могу?»

Вообще-то ночное дежурство в больнице без права сна. Но грех не воспользоваться передышкой, минутным затишьем, которое, по правде сказать, выпадает нечасто. И вообще не сон это, а кратковременный самогипноз, от которого избавляются в один миг при первом стоне больного, при шорохе за стеной, при телефонном звонке, тревожно завершавшем среди ночи...

Но, если нет тяжелых пациентов, если за стенами больницы безмятежная тишина и не фырчит мотор «Скорой», доставившей очередного несчастного, которому недуг помешал дотерпеть до утра, почему не вздремнуть?

Конечно, появившись здесь сейчас кто-то из начальства – главный врач или его заместитель, или, того пуще, инспектор из горздрава, персоналу не поздоровилось бы за такую беспечность, и непременно бы всем напомнили о долге, о трудовой дисциплине и о многих не менее серьезных вещах, но, к счастью, начальство ночью предпочитает отдыхать дома, в уютной постели, а правильные и гневные слова откладывает на утро, и то в том случае, если минувшая ночь принесет какую-то неприятность, если стрясется какое-то ЧП или кто-то из больных разразится жалобой по инстанциям. Но если ничего такого не случается, то и начальство смотрит на подобное нарушение сквозь пальцы. Тем более что кадровый вопрос в последние годы стоит чрезвычайно остро – медиков не хватает, некоторые буквально не вылезают с дежурств, и, если кто-то прикорнул в тихом уголке, когда представилась такая возможность, кто посмеет бросить в него камень?

Сухо щелкают настенные кварцевые часы в смотровой приемного покоя. Стрелки показывают три часа ночи. Смотровая пуста. Асфальтовая дорожка за окном серебрится в свете ртутного фонаря. Серебристой кажется и листва старых дубов вдоль дорожки. Может быть, еще и потому, что в черном небе висит полная луна, яркая, как прожектор.

На столе в смотровой раскрытый журнал, куда записывают поступающих больных, и старая шариковая ручка, обмотанная куском лейкопластыря. Последняя фамилия зафиксирована в 00 часов 55 минут. Чанов Александр Ефимович, 64 года, обострение хронического холецистита. Старые болячки дают о себе знать по ночам. Это все и портит.

Но самые плохие ночи обычно выпадают на выходные. Именно тогда поступают самые тяжелые больные и случаются самые страшные аварии. Слава богу, сегодня только среда.

Впрочем, поскольку на часах три ночи, можно утверждать, что наступил четверг. Но все равно это не самый худший день недели. На дворе тихая летняя ночь, восемнадцать градусов по Цельсию. В больнице все спокойно. И поэтому Анастасия Степановна Ромашкина, дежурный врач, тоже спит, удалившись в свой крошечный кабинетик, где на скрипучем жестком диване постелен списанный полосатый матрац.

Несмотря на свою легкомысленную фамилию, Анастасия Степановна имеет репутацию женщины суровой и даже циничной. Ее муж, Петр Иванович Ромашкин, умер два года назад в

возрасте пятидесяти пяти лет от инфаркта. Он работал заместителем по снабжению на крупной автобазе, дело свое знал блестяще, имел связи и, как поговаривали в городе, греб деньги лопатой. Но его доконали две беды. Нет, дураки и плохие дороги тут ни при чем, хотя Петр Иванович в своей деятельности постоянно сталкивался и с тем, и с другим. Доконали его водка и бабы, до которых он был большой охотник. Несмотря на свой возраст и солидную должность, Петр Иванович предавался этим порокам с такой страстью, точно в нем навеки засел вчерашний школьник, теряющий голову от одного вида женской груди.

Впрочем, многие ему сочувствовали – румяный жизнелюбивый балагур, Петр Иванович вряд ли мог рассчитывать получить какое-то удовлетворение в семье. Постаревшая, погруженнейшая супруга его с равнодушным обрюзгшим лицом и грубым голосом давно потеряла для Петра Ивановича всякую привлекательность.

Только он слишком понадеялся на свои силы и сгорел в один день. На Анастасию Степановну его смерть не произвела особого впечатления. Она давно устала от фокусов мужа и, оставшись одна, почувствовала даже облегчение. Материально стало, конечно, тяжелее, но дети давно выросли и стали самостоятельными, а самой Анастасии Степановне было не так много нужно. Зато никто больше не трепал ей нервы.

Вот разве что больные, которых доктор Ромашкина откровенно не любила и в большинстве подозревала откровенных симулянтов. Особенно это касалось мужчин, которые всю жизнь ахают и охают, но моментально выздоравливают, когда речь заходит о рюмке или юбке. Она и в инфаркт собственного мужа не сразу поверила, решив, что он просто придурился.

Поэтому с теми, кто считал себя больным, Анастасия Степановна вела себя без церемоний, разговаривала свысока, осмотр вела небрежно и вообще ставила на место сразу, давая понять, что у нее тоже жизнь не сахар. На нее частенько жаловались, но уволить ее было невозможно, во-первых, все тот же кадровый вопрос, а во-вторых, вопиющих ошибок Анастасия Степановна, как ни странно, не допускала. Все-таки опыт работы у нее был огромный.

Кроме Ромашкиной, в приемном покое дежурили сегодня еще двое – медсестра Витупина, которую все звали просто Аллой, и санитарка Галина, чью фамилию вообще никто не знал, кроме кассира, выдававшего зарплату.

Обе дремали в подсобках, где имелись облезшие решетки. В смене они работали давно, прекрасно знали друг друга и, что удивительно, характерами были очень похожи.

Алла, несмотря на свои двадцать восемь лет, успела обжечься уже на двух мужьях, от которых имела двоих мальчиков – одного восьми, а другого шести лет. Она была не очень складной, но крепкой женщиной, с крупными чертами лица и вызывающе пухлыми губами. Больше всего на свете она любила яркие наряды и шумные застолья. Может быть, поэтому и мужья ей попадались шепутные, не дураки выпить и помахать кулаками. Оба кончили весьма плачевно. Первый попал на зону за убийство, схлопотал там второй срок и так и сгинул где-то в краях отдаленных – ни слуху о нем, ни духу. А второй муж просто сгинул – ушел утром на работу и не вернулся. В тот день на заводе, где он работал, давали зарплату, деньги семье нужны были позарез, а в результате ни денег, ни мужа.

Алла обращалась в милицию, сама пробовала искать, но муж как в воду канул. Так и осталась она с двумя пацанами на руках, обиженная на весь свет. Хорошо еще старики помогали, иначе пришлось бы совсем туго – на зарплату медсестры втроем не проживешь.

Санитарка Галина к мужикам тоже относилась с предубеждением, хотя замужем не была ни разу. Низкорослая, кривоногая, слегка косоглазая, она вряд ли могла привлечь внимание даже самого непритязательного мужчины. Тем более была она с чужинкой, верила в колдунов, домовых и даже в пришельцев. Начальства боялась как огня. Жила она в собственном домике на окраине города и, по слухам, приторговывала самогоном. Возраста Галина была самого неопределенного, но многие бы в больнице удивились, если бы узнали, что ей нет и сорока. Одинокая женская доля и некоторое сходство характеров сплотили эту троицу. Схо-

дьясь на дежурство, работали они слаженно, хотя и без особого рвения, а в свободное время пили чай с абрикосовым вареньем и перемывали косточки общим знакомым. Ночные дежурства давно стали для них рутиной, и, если выдавалась такая возможность, они укладывались спать безо всяких угрызений совести, справедливо полагая, что излишнего рвения все равно никто не оценит. К несчастью, спали все трое очень крепко, и поэтому в случаях экстренного поступления больных иногда возникали не совсем приятные ситуации, потому что команде Анастасии Степановны требовалось время, чтобы раскататься.

В этот раз тоже не все прошло гладко. Но кто сказал, что в жизни всегда и все бывает гладко?

На часах было семнадцать минут четвертого, когда асфальтовая дорожка, ведущая к дверям приемного покоя, вдруг озарилась резким светом автомобильных фар. Само собой, всюду ревел мотор – машина «Скорой помощи» неслась так, будто намеревалась с ходу протаранить надежно запертую дверь.

Однако, не сделав этого, она сбросила скорость и начала разворачиваться, чтобы стать ко входу задом, так делается, когда «Скорая» привозит носилочного больного.

И тут выяснилось, что вслед за фургоном мчится еще одна машина. Ее фары светились совсем уж ослепительно, эти галогенные лампы в современных моделях не лампы, а какой-то адский огонь. А машина была из современных – черный «Мерседес», не каждому по карману.

«Мерседес» подкатил под самые окна и с разгону затормозил. Тишину разорвал истерический захлебывающийся звук гудка. Одновременно из автомобиля выскочил крупный, коротко стриженный мужчина в темном костюме и легко взбежал на площадку перед входом. «Скорая», урча мотором, медленно двигалась задом, из кабины выглядывало напряженное лицо шофера. Мужчина в темном костюме отчаянно забарабанил кулаком в дверь.

Вообще-то на дверях приемного покоя имелась кнопка электрического звонка, но непосвященные об этом не догадывались – двери были большие, а кнопка маленькая, поди найди сгоряча. А тот, что лупил кулаком, явно был разгорячен сверх всякой меры.

Галина благополучно проспала и рев моторов, и вой клаксона, и только грохот, от которого, казалось, раскалывались стены, сумел вырвать ее из объятий Морфея. Она заворочалась на кушетке, испуганно потерла глаза, опустила короткие ноги на пол и перекрестилась.

– Господи ты боже мой! Это что же за дурдом такой? Молотит как оглашенный! – пробормотала она с осуждением, но, одернув толстый серый халат, поспешно зашлепала босыми ногами к выходу, по пути соображая, какими словами встретит нахала.

В таких случаях субординация соблюдалась неукоснительно, открывать двери неизменно шла Галина, чтобы дать возможность Анастасии Степановне привести себя в порядок. Та, кстати, уже проснулась, сквозь щель в двери Галина увидела вспыхнувший в кабинете свет.

Переваливаясь на ходу, санитарка добралась до содрогавшейся от ударов двери и с некоторым усилием отодвинула засов. Вторая дверь была прихвачена надежным крючком из полудюймового прутка, но Галина не спешила его откидывать, хотя теперь ясно слышала фырчание «Скорой» за дверью.

– Офонарели совсем, право слово! – бормотала она, осторожно приоткрывая дверь. – Лупят и лупят! Понимать надо, здесь учреждение! Порядок должен быть...

В самом деле, держать двери больницы открытыми по ночам было нельзя. Любой умный человек согласился бы с этим. Мало ли что случается по ночам, особенно в теперешние времена, когда кругом одни бандиты да наркоманы. А тут еще террористы объявились, каждый день по телевизору сообщают – там взорвали, здесь заложников захватили. Да этого и начальство требует – запирайтесь в целях предотвращения возможного террористического акта, вот как! А которые непонимающие, те и колотят в дверь, точно сумасшедшие.

Дверь выпорхнула из рук Галины, точно не из тяжелых сосновых досок была сделана, а из папиросной бумаги, а саму Галину будто смело ветром и отбросило на середину вестибюля.

Перед ней на краткий миг мелькнуло искаженное квадратное лицо какого-то громилы в хорошем костюме, пахнущего горьковатым парфюмом и при галстук.

«Как будто в театр собрался! – мелькнуло в голове у Галины. – Это в три-то часа ночи?!»

А мужчина, повернувшись к ней спиной, уже сбивал стальной крюк со второй двери.

– К-копаетесь тут! – раздраженно заорал он, ничуть не стесняясь потревожить больничную тишину. – Где врачи, где все? Шевелись, бабка!

Галину нисколько не задело, что ее несправедливо называли бабкой, она уже поняла: случилось что-то действительно серьезное, и теперь переживала, успели ли привести себя в порядок «девочки».

Но обеспокоилась она напрасно, уже и Алла была на ногах, и сама Анастасия Степановна будто и не ложилась вовсе – белый халат на ее полной фигуре казался свежим, точно из-под утюга, лицо спокойное, равнодушное, колючие глаза зорко отслеживают ситуацию.

– Что случилось? – по-командирски сухо осведомилась она.

– Д-доктора, мать вашу! – с надрывом произнес мужик с квадратной физиономией. – Спасать человека надо!

А двери приемного покоя уже были настежь, и задние дверцы «Скорой» тоже были настежь, хотя красные стоп-сигналы все еще продолжали гореть и выхлопная труба равномерно дрожала, выпуская порции сизого вонючего дыма. Но уже возле машины повсюду суетились молоденький тощий доктор и еще трое в приличных костюмах – все плечистые, зубастые, понимающие друг друга с полуслова. Верно, они тоже прикатили на «Мерседесе».

С коротким оружейным лязгом выкатили из фургона носилки с распластанным на них человеческим телом, досадливо отпихнули в сторону тщедушного доктора, попытавшегося было ухватиться за ручку носилок.

– Сами! – сквозь зубы сказал тот, что наорал на Галину. – Ты показывай куда.

Люди в костюмах легко подхватили носилки, хотя человек, лежавший на них, был достаточно грузен, и почти бегом понесли в вестибюль. Молодой врач торопливо шагал рядом, испуганными глазами сверля равнодушное лицо Анастасии Степановны и уже издали протягивая ей исписанную неровным почерком бумагу – направление на госпитализацию.

– Огнестрельное проникающее, – отрывисто произнес он непослушными прыгающими губами. – В брюшную полость.

Ромашкина коротко взглянула на носилки, раненый был без сознания, серое, словно неживое лицо было запрокинуто, шелковая рубашка щедро забрызгана кровью. Сложенная в несколько слоев марля, пропитанная фурацилином, закрывала живот. Анастасия Степановна безглаголиво приподняла край марли и по-мужски присвистнула.

– Галина, каталку, быстро! – распорядилась она металлическим голосом. – Алла, звони в реанимацию Пал Палычу, это к нему! Скажи, большая кровопотеря... – Она обвела мужчин сердитым взглядом: – Вы родственники? Группу крови его знаете?

– Охрана мы, – буркнул один из мужчин. – Группу вроде не знаем... Кто знает, мужики?..

– Херово охраняете! – ядовито заметила Анастасия Степановна, усмехаясь недоброй улыбкой. – Кладите его на каталку! Осторожней только!

Галина подкатила носилки на высоких металлических ножках, покрытые клеенкой. Мужчины осторожно перевалили неподвижное окровавленное тело и озабоченно переглянулись.

– В смотровую! – приказала Ромашкина и кивнула на раскрытую дверь.

Галина налегла на отяжелевшую каталку, охрана бросилась ей помогать. Из смотровой выглянула Алла, на лице ее была написана смертельная обида.

– Пал Палыч сейчас спустится, – сообщила она, растягивая слова.

– Да чего спускаться! – махнула рукой Анастасия Степановна. – В реанимацию его нужно однозначно... Ну ладно, ты пока бери ножницы – одежду снимать надо.

– Будет сделано, Анастасия Степановна! – послушно проговорила Алла, не меняя, однако, выражения лица.

Совсем потерявшийся врач «Скорой» поймал Ромашкину за рукав.

– Направление! – напомнил он извиняющимся тоном и неуверенно добавил: – Я хотел систему поставить, но при движении игла выскочила... Останавливаться не стали, время же... Боялся – не довезу. Если честно, мне такого еще видеть не приходилось...

Анастасия Степановна сочувственно посмотрела на его расстроенное лицо и снисходительно усмехнулась:

– Насмотришься еще, какие твои годы! Ты, главное, к сердцу не принимай! Их, знаешь, много, а ты у мамы один, смекаешь?

– Вообще-то у меня еще сестра есть, – неуверенно сообщил доктор.

– Это не главное, – спокойно сказала Ромашкина. – Главное – здоровье... Ну, давай свою писюльку!

Парень не сразу сообразил. Анастасия Степановна опять улыбнулась и вытащила из его пальцев направление.

– Все, свободен! – сказала она жестко и, не оборачиваясь, ушла в смотровую.

Ловко орудуя ножницами, Алла уже освободила раненого от пиджака и рубашки. Работая, она морщила лоб и высовывала кончик языка. Мужчины из охраны наблюдали за ней с напряженным вниманием.

Анастасия Степановна взяла со стола аппарат для измерения давления, разматывая манжету, шагнула к больному.

– Может, чего делать надо, доктор? – нетерпеливо высказался один из мужчин, сверля Ромашкину глазами. – Типа, реальное?..

– Мы знаем, что делать! – отрезала Анастасия Степановна, закрепляя манжету на бледной мускулистой руке раненого.

Грудные мышцы у того тоже были хорошо развиты, и справа синела какая-то татуировка. «Новый русский!» – подумала про себя Ромашкина. – Все разборки у них. Вот и доразбирались!»

Давление оказалось, к ее удивлению, приемлемым – 80/40. Анастасия Степановна ожидала худшего.

– Чем его? – сварливо спросила она, вынимая из ушей фонендоскоп.

– Чем-чем! Если бы я знал, чем! – зло бросил один из охранников, сжимая мечтательно кулаки. – Без нас это было, дамочка, без нас, понятно?!

Анастасия Степановна хотела дать наглецу хорошую отповедь за «дамочку», но тут в смотровую мягким шагом вступил Пал Палыч – дежурный реаниматолог. Кивнув всем в знак приветствия, он немедленно подошел к носилкам и кошачьим движением положил пальцы на сонную артерию раненого. При этом он будто с интересом оглянулся по сторонам, но по выражению глаз можно было понять, что Пал Палыч в эту минуту никого и ничего не видит, а взор его устремлен куда-то внутрь на невидимого собеседника, от решения которого будет зависеть все.

Пал Палыч был высок, худ, имел седые виски и вытянутое печальное лицо, изрезанное преждевременными морщинами. Если ежедневно приходится вытаскивать людей с того света, здоровья и красоты это тебе не добавляет. В спокойные минуты по лицу Пал Палыча обычно блуждала улыбка, рассеянная и мирная. Но в критические моменты это лицо делалось сосредоточенным и словно каменным.

– Давление 80/40, Пал Палыч, – негромко подсказала Ромашкина.

Реаниматолог уставился на нее и покивал головой.

– Ну что ж, наверх! – произнес он. – Наверх! Будем работать... В экстренной уже готовы, Анастасия Степановна?

– Еще и не предупредили! – сразу перешла та в наступление. – У нас, чай, не десять рук! Если бы со «Скорой» по пути сообщили – другое дело. Но там мальчишка был неопытный, не догадался...

– Так предупредите! – тихо, но твердо сказал Пал Палыч. – Пусть готовят операционную! Там сегодня кто дежурит – Леснов? – Он свел брови у переносицы. – Наверное, Игоря Анатолеви́ча вызывать надо...

– Так вызывать или не вызывать? – сердито спросила Ромашкина.

Пал Палыч незряче оглянулся и вдруг вскипел.

– Я же сказал – больного наверх! – крикнул он. – Мужчины, двое, помогите! – И, резко повернувшись, вышел из смотровой.

За ним покати́ли носилки, металлические колесики которых противно визжали на ходу. Из охранников подчинились не двое, а трое. Один, совсем молодой, светлоголовый парень с круглым невыразительным лицом, остался в смотровой. Немного помявшись, он опустился на кушетку, которая закрипела под его крупным натренированным телом.

Анастасия Степановна припечатала пухлой ладонью направление «Скорой», лежавшее на столе, и буркнула:

– Алла, не забудь в журнал записать! А то потом всех собак на нас повесят!

– Они уже и сейчас... – с готовностью подхватила Алла. – Все мы виноваты! В хирургию-то звонить?

– Я сама позвоню! – решительно заявила Ромашкина, снимая телефонную трубку.

Она набрала номер экстренной хирургии и, услышав ответ, сурово сказала:

– Виктор Николаевич? Тут больной поступил, его сейчас в реанимацию отправили. Но он ваш – проникающее брюшной полости. Будете оперировать или Игоря Анатолеви́ча вызывать? Больной тяжелый!

В трубке возникла секундная тишина. Анастасия Степановна злорадно вслушивалась в мерное потрескивание на телефонной линии и ждала, что скажет Леснов. Она почти не сомневалась, что ответит Леснов. Этот хирург работал у них недавно, в городе его близко никто не знал, но за ним уже укрепилась репутация честолюбивого и рискованного человека. Переехал он из Подмоскoвья после какой-то, как поговаривали, некрасивой истории.

– Разумеется, буду оперировать, – наконец послышался в трубке холодный ровный голос. – Если возникнет необходимость тревожить заведующего отделением, я вас поставлю в известность!

– Фу-ты ну-ты! – в сердцах бросила Анастасия Степановна, опуская трубку на рычаг. – Его высочество поставит нас в известность! Слышали?

– Это Леснов, что ли? – с интересом спросила Алла, старательно выводя в журнале крупные округленные буквы. – Этот такой! Надо всеми возвышается! Противный мужик!

– Но руки у него, говорят, золотые, – задумчиво произнесла Ромашкина.

– Если руки золотые, что же его из Москвы выперли? – скептически отозвалась Алла.

– Не из Москвы – из Подмоскoвья, – уточнила Ромашкина, заглядывая Алле через плечо. – Сам, по слухам, уехал... Что-то у него там получилось в половой жизни...

– Или, наоборот, не получилось! – хихикнула Алла. – Одним словом – кадр!

– Постой-постой! – вдруг взволнованно проговорила Анастасия Степановна, вчитываясь в фамилию больного, запечатленную в журнале каллиграфическим почерком Аллы. – Так это кто же, выходит?... Шапошников? Тот самый Шапошников?! – Она была по-настоящему потрясена.

– Ну! – довольно фыркнула Алла. – А вы только сейчас поняли? Шапошников Александр Григорьевич, сорока пяти лет... Я его сразу узнала, между прочим!

– Это который такой Шапошников? – с жадным любопытством подала голос Галина, она в этот момент вернулась, толкая перед собой пустую каталку. – Из машины, что ли?

– Да ты че! – вытаращилась на нее Алла. – Шапошникова, что ли, не знаешь?! Первый в городе бандит! – И тут же осеклась, почувствовав на себе тяжелый взгляд молодого человека.

– Думай, что базаришь! – после секундной паузы посоветовал он. – Александр Григорьевич – уважаемый человек, депутат! Между прочим, вам, коновалам, благотворительность оказывает...

– Знаем мы эту благотворительность! – не смущаясь, заметила Анастасия Степановна. – Одной рукой рубль дает, другой – десять забирает! Да ты меня глазами не ешь! Мне бояться нечего – с меня много не возьмешь.

Охранник поиграл желваками и демонстративно отвернулся, поняв, что бесполезно спорить с этой бесцеремонной бабой. Анастасия Степановна самодовольно усмехнулась и строго напомнила Галине:

– Каталку обработай как полагается! Вся в кровище! И перчатки не забудь надеть!

– А есть они, эти перчатки-то? – презрительно спросила санитарка. – Я лично их давно что-то не видела! Да я и без перчаток управлюсь...

– А если у него СПИД? – округлила глаза Алла.

– Нам это не страшно! – хвастливо заявила Галина. – У нас от всех болячек свое лекарство – надежное!

– Самогоночка? – сочувственно уточнила Алла. – Вот это правильно! Русский человек самогоном дезинфицируется, верно, Анастасия Степановна?

Ромашкина ничего не ответила, грузно опустилась на стул и задумалась.

Потом вздохнула и опять потянулась к телефону. Она не первый день жила на свете и знала, чем кончаются подобные происшествия. Шапошников – слишком известная в городе личность. Это вам не старушка, которую пристукнули из-за пенсии пустой бутылкой. Сейчас сюда все сбегутся – и милиция, и начальство, а расхлебывать ей – дежурному врачу. Нет, береженого бог бережет, решила Анастасия Степановна, набирая домашний номер заведующего хирургическим отделением.

Ответили не сразу – само собой, четыре часа ночи, нормальные люди в это время спят. Голос в трубке заспанный, женский. Ну, тут не до любезностей.

– Игоря Анатольевича, срочно! – отчеканила Ромашкина, без эмоций выслушав сердитое бормотание жены хирурга. – Что значит – покоя не дают? Я же не по личному вопросу звоню, правильно?

Жена не пожелала вступать в дискуссию, и через некоторое время Анастасия Степановна услышала знакомый прикашливающий тенорок Можая, который взволнованно поинтересовался, кто говорит.

– Ромашкина! – объяснила Анастасия Степановна. – Игорь Анатольевич, вам, наверное, надо подъехать! Больной поступил, тяжелый! Огнестрельное ранение живота... Виктор Николаевич не велел вас беспокоить, говорит, сам оперировать буду, но мне кажется, вам обязательно нужно подъехать... Раненый-то знаете кто? Сам Шапошников!

Игорь Анатольевич несколько секунд озадаченно молчал, а потом покладисто сказал:

– Значит, это... Анастасия Степановна, скажите там – я выезжаю! Само собой, надо, как же иначе? Я, наверное, на своей поеду? Служебная-то машина, кажется, у нас на ремонте?

– Третий месяц как на ремонте! – подтвердила Ромашкина. – Так что жгите свой!

– Как? Не понял, – переспросил Можай.

– Бензин, говорю, свой придется жечь! – повысив голос, пояснила Ромашкина.

– А, ну да! Ну, что ж поделаешь! – мягко сказал Можай. – Так передайте там – я еду!

– Передам, передам, – пробурчала Анастасия Степановна, опуская трубку. – Сам приедешь и передашь...

Алла смотрела на нее как завороченная, открыв пухловатый рот.

– Чего уставилась? – грубовато-добродушно спросила ее Ромашкина. – Готовься, вставят нам сейчас по самое не могу!

– Кто вставит? – обиделась Алла. – За что нам вставлять-то, Анастасия Степановна?

– Вставят и не скажут за что, – загадочно пообещала Ромашкина, глядя в окно. – А кто – сама увидишь. Вон, уже едут!

Действительно, за окном, теснясь и подпрыгивая, вдруг возникло множество огней. Они выплеснулись откуда-то из темноты и теперь неумолимо приближались к зданию главного корпуса. Слышалось низкое урчание моторов.

– Это что за явление?! – растерялась Алла, прилипая носом к оконному стеклу. – Это кто же едет-то? Ну, допустим, милиция... Но их там, гляди, раз... два... пять машин!

– Я тебе говорю – готовься! – зловеще повторила Анастасия Степановна. – Сейчас сюда весь город сбежится.

– Ой-ой-ой! – покачала головой Алла и даже слегка поежилась.

За внутренней дверью раздались шаги, и молодой человек поспешно вскочил. Трое охранников вошли в смотровую и, не обращая внимания на медиков, протопали в вестибюль. В руках одного из них болтался узел с одеждой, снятой с шефа. На какое-то время Анастасия Степановна с Аллой остались одни.

– Как вы думаете, шансы-то у него есть? – спросила недоверчиво Алла. – У этого Шапошникова?

Анастасия Степановна покачала тяжелым подбородком.

– Да у него, я посмотрела, живот будто в вентилятор попал! – разъяснила она. – Навряд ли что хорошее будет. А ты переживаешь, что ли?

– Да не то чтобы, – пожала плечами Алла. – Жалко все-таки человека. Вот за что его так, а?

– Значит, было за что, – философски заключила Анастасия Степановна.

Она встала и с неудовольствием посмотрела в окно. На площадке перед входом в приемный покой одна за другой тормозили машины. Слышалось хлопанье двери. Солидные мужчины, выходявшие из автомобилей, наскоро обменивались рукопожатиями и направлялись в приемный покой. Их было так много, что Алла со смешком заметила:

– Как на ярмарке!

Но в следующую минуту ей уже было не до смеха, вестибюль наполнился топотом и гулом голосов, и в смотровую размашистым шагом ворвался сам Борис Ильич Закревский, главный врач больницы. Ромашкина, в принципе, этого ожидала, но все равно ей сделалось неуютно, Закревского побаивались все, потому что он был страшным педантом.

С виду, однако, Борис Ильич выглядел вполне мирно – невысокого роста, очень подвижный, с волнистой ухоженной шевелюрой и гладким лицом, на котором будто застыло слегка раздраженное, требовательное выражение. Глаза у него были серые, беспокойные, но никому и никогда не удавалось разглядеть в них ничего, хоть отдаленно напоминавшего сочувствие. Эта эмоция была Борису Ильичу незнакома вовсе. Он и поощрения-то выносил сотрудникам таким тоном, будто не хвалил, а требовал дальнейших успехов.

А теперь и хвалить было не за что. Интуитивно ожидая разноса, Анастасия Степановна внутренне подобралась. Не то чтобы она боялась каких-то санкций, но в главном враче она угадывала натуру более сильную, чем даже она сама, и поэтому не считала возможным вступать в конфронтацию. Тем более что, если Закревскому попадала вожжа под хвост, он мог испортить человеку жизнь как никто другой. Поэтому Анастасия Степановна лишь сдержанно произнесла:

– Здравствуйте, Борис Ильич! – И стала ждать, что будет дальше.

А дальше Закревский быстро посмотрел своими водянистыми серыми глазами на Ромашкину, на Аллу, нервно поправил узел галстука и недовольно спросил:

– Ну что тут у вас?

Это был его конек – галстучки, рубашки снежной белизны, костюмы с иголки, в пору сниматься в рекламе, настолько безукоризненно Борис Ильич всегда выглядел. Даже сейчас, в четыре утра, он был при полном параде, и гладкая кожа на свежесбранных щеках отливала матовым блеском. Просто портрет образцового мужчины и руководителя.

Однако Анастасия Степановна чувствовала, что Борису Ильичу не по себе, и она, как могла, поспешила успокоить его:

– А что тут у нас? Как обычно. Больной вот поступил, Шапошников. Им сейчас Леснов занимается с Пал Палычем...

На лбу Закревского появилась страдальческая складка.

– Почему Леснов? Вы с областью связались? Сан-авиацию вызвали? Почему меня не поставили в известность? Почему я узнаю обо всем из третьих рук? Можжев где?

Анастасия Степановна несколько растерялась под градом вопросов. Но отвечать ей не пришлось ни на один из них, потому что в смотровую внезапно ввалилась целая толпа мужчин.

Ромашкина знала в городе многих, поэтому без труда угадала в вошедших прокурора Замятина, начальника милиции Чернова, заместителя мэра Костырко и еще парочку чиновников помельче. Появились здесь и двое из охраны Шапошникова – те самые, что возились с раненым шефом. Но один из гостей, особенно колоритный, был Анастасии Степановне незнаком.

Это был мужчина лет сорока, в костюме песочного цвета, полноватый, с заметно выдающимся брюшком. Розовое самоуверенное лицо мужчины было украшено выхоленной рыжеватой бородкой. В правой руке дымилась тонкая сигара, распространявшая вокруг резкий экзотический аромат.

Анастасия Степановна посмотрела на курильщика крайне неодобрительно и кашлянула. На большее она не решилась, потому что рядом находился начальник, но он, кажется, не собирался делать невеже никаких замечаний.

Напротив, Борис Ильич тут же обернулся к нему с самым предупредительным видом.

– Я вот тут слышал, как ты, Борис Ильич, задавал вопросы, – неприязненно сказал человек с бородкой, взмахивая дымящей сигарой. – Но не услышал ни одного ответа. Это что – так и должно быть?

Анастасия Степановна была не робкого десятка, но и она почувствовала себя крайне неуютно, когда после этих слов взгляды всех присутствующих устремились на нее. Пожалуй, только прокурор не проявил к ней никакого интереса, он с любопытством разглядывал больничные стены и мебель в смотровой, поскольку никогда раньше сюда не попадал.

– Не волнуйтесь, Валентин Григорьевич, – шелестящим голосом проговорил Закревский, заботливо подхватывая человека с сигарой под локоть. – Сейчас мы пройдем в мой кабинет и обо всем распорядимся. А потом обязательно заглянем в операционную, это я тебе гарантирую! Никакой келейности! – И он с деланным воодушевлением добавил: – И вообще, ты не переживай – у меня хирурги знаешь какие? Орлы! Они мертвого подымут!.. Пойдемте, товарищи! – заключил он, оборачиваясь к остальным.

Чиновники торопливо двинулись за ним во внутреннюю дверь, с облегчением покидая унылую смотровую, и только прокурор, выходя, ободряюще улыбнулся Анастасии Степановне. Через минуту в комнате никого из мужчин уже не было. Лишь пряный запах дорогого табака по-прежнему висел в воздухе.

Анастасия Степановна, вконец расстроенная, села на кушетку и мрачно сказала:

– Я так и не поняла, что мне делать-то? Санавиацию вызывать?

– Пускай сам вызывает! – задиристо откликнулась Алла. – Раз пришел, пускай и вызывает. Его скорее послушают... А вам-то чего расстраиваться? Слышали же, он сам сказал – сейчас распорядимся! Значит, сам и вызовет...

Анастасия Степановна опустила руки в карманы халата и, мрачно глядя на свою помощницу, сварливо пожаловалась:

– Нашли стрелочников! У одного гонор – не вызывай! У другого – вызывай! А тут кланяйся перед каждым! Да я хоть завтра могу уйти на льготную пенсию!..

– И правильно! – подхватила Алла. – Я бы на вашем месте давно ушла. Тут благодарности сроду не дождешься...

Анастасия Степановна согласно кивнула и мечтательно повторила:

– И уйду, вот помяни мое слово!

Время от времени она любила поговорить на эту тему, хотя в глубине души понимала, что за ее угрозами не стоит ничего серьезного, наоборот, Анастасия Степановна страшилась выхода на пенсию и не представляла себе, что она будет делать одна, без людей, в пустой квартире, без этих дежурств и нервотрепок, без Аллы, понимающей все с полуслова, без чудной Галины, которая панически боится начальства и теперь наверняка забилась куда-то в дальний угол...

– А это кто такой был? – вдруг с жадным интересом спросила Алла. – Ну, этот, с сигарой? Надо же, какой наглый – прямо в больницу и с сигарой! Совсем совесть потеряли! А наш-то главный, видали, как вокруг него вился? Наверное, шишка какая-то?

Анастасия Степановна равнодушно пожала полными плечами.

– Наверное, раз вился, – сказала она. – Я его не знаю.

– Ну надо же, с сигарой! – повторила Алла и удивленно покрутила головой. – Совсем уж ни во что нас не ставят... Вон, до сих пор воняет! А если сейчас сюда комиссия какая зайдет? Скажут, это чего у вас в смотровой накурено?

– Да уж какая комиссия в четыре утра! – угрюмо возразила Анастасия Степановна. – Тут и без комиссии хватает...

Пока они гадали, какая такая шишка может себе позволить беспрепятственно заходить в больницу с зажженной сигарой, во всех отделениях произошли волшебные изменения. Никто из медицинских работников уже не спал, напротив, все до одного выглядели на удивление бодро и занимались делом: кто возился с инструментарием, кто усердно заполнял журналы, кто раскладывал лекарства для утреннего приема. При этом каждая медсестра искоса поглядывала на входную дверь и прислушивалась, о том, что прибыл главный врач, знали уже все, хотя, казалось, никто никого специально не предупреждал.

Проснулись даже некоторые больные – кашляя и шаркая подошвами, они поодиночке выбирались из палат, плелись в туалет или подолгу застывали у окна, глядя, как над верхушками деревьев светлеет ночное небо.

Само собой, не спали в отделении реанимации и в экстренной хирургии. Здесь уже давно все были на ногах. Плотные закрытые двери операционной, застекленные ребристым непрозрачным стеклом, были ярко освещены изнутри. Над ними тревожным алым огнем горела табличка: «Идет операция!»

Борис Ильич в хрустящем белом халате, высокой шапочке и в марлевой повязке, поверх которой виднелись только его беспокойные серые глаза, без колебаний толкнул дверь и предложил своему спутнику следовать за ним.

Спутником был, конечно, все тот же нахал с рыжей бородкой. Сейчас он выглядел не столь самоуверенно. Медицинский халат, который подобрали ему на скорую руку, был заметно велик, а рукава доходили едва ли не до кончиков пальцев. То же самое было и с шапочкой, которая сползла на уши.

– Проходим, Валентин Григорьевич, проходим! – значительно понижая голос, поторопил Закревский, оглядываясь.

Его спутник что-то неразборчиво пробормотал через маску, которая сидела на его лице наискось, досадливо махнул рукой и переступил через порог. С этой дурацкой маской было

больше всего проблем, она все время лезла в рот, топорщилась на бороде, и с непривычки Валентину Григорьевичу казалось, что он вот-вот задохнется.

В предоперационной их встретил напуганный взгляд худенькой белобрысой девчонки, одетой в бесформенный хирургический наряд из бледно-зеленой ткани. Она что-то искала среди флаконов, в изобилии стоявших на металлическом столике, покрытом белоснежной салфеткой. Оглянувшись на вошедших, она предупредительно пискнула:

– Сюда нельзя! – Но, узнав главного врача, осеклась и растерянно заморгала бледными ресницами.

Борис Ильич успокаивающе поднял ладонь и почти шепотом сказал:

– Мы только на минуточку... Мы не будем мешать...

Он еще и улыбнулся этой пигалице, не сообразив сразу, что под маской никто его улыбки не увидит. Поспешно отвернувшись, он кивнул Валентину Григорьевичу и вошел в операционную. Его спутник последовал за ним, неуклюже задев плечом тугую дверь и вполголоса выругавшись.

Хирург, который стоял у стола, залитого светом мощной бестеновой лампы, даже не поднял головы. Он работал быстро, как машина, весь сосредоточившись на операционном поле, ограниченном мертвой белизной стерильных салфеток. Он только глухо и грозно рыкнул сквозь маску: «Почему в операционной посторонние?!» – и тут же, не глядя, протянул руку, обтянутую блестящей резиновой перчаткой, чтобы принять протянутый ему медсестрой инструмент.

Борис Ильич поймал на себе только беспомощные взгляды Пал Палыча, хлопотавшего у наркозного аппарата, и смугловатой чернобровой операционной сестры, ассистировавшей хирургу. К этой бесстрашной, умелой и очень красивой девушке мало кто из мужчин мог остаться равнодушным. Украдкой даже Закревский заглядывался на нее.

Сейчас, однако, он был слишком взволнован и не сразу вспомнил ее имя, необычное, знойное, как и внешность красавицы. Ах да, ее зовут Карина, сообразил Борис Ильич, конечно же, Карина! А эту рыженькую, что подает инструменты, кажется, зовут Сашей. Но почему никто из них не обратит внимание этого гордеца Леснова на то, что в операционной не посторонний, а человек, который отвечает здесь за все.

Впрочем, по некоторым признакам Закревский почувствовал, что Карина уже что-то сказала хирургу – Леснов не то чтобы успокоился, но до некоторой степени смирился, хотя в его крепкой ловкой фигуре сохранилось напряжение, он будто ждал неприятности со стороны людей, присутствующих при операции.

Закревский никогда бы не решился начинать разговор под руку работающему хирургу – он был далеко не дурак, но обстоятельства сплелись так туго, что сейчас он был вынужден нарушить свои правила.

Осторожно придерживая за локоток своего спутника, Закревский приблизился к операционному столу. Валентин Григорьевич запыхался, его лоб покрылся потом. Он несколько секунд беспомощно смотрел на обнаженное тело лежащего на столе человека – незнакомое, бледное, с запрокинутой головой, с лицом, обезображенным неестественным распахом рта, в котором торчала интубационная трубка, на прикрытый салфетками и спинами оперирующих живот, в который руки хирурга погружались, как казалось Валентину Григорьевичу, по самые локти, а когда выныривали обратно, на кончике пальцев глянцево и липко поблескивала кровь, а потом вдруг сказал, придвинувшись к Леснову едва ли не вплотную:

– Ты, лекарь, должен спасти моего брата, понял?!

В этих словах прозвучала неприкрытая угроза. Леснов только на мгновение отвлекся от дела, повернувшись к постороннему лицу. Их глаза встретились. В расширенных зрачках Валентина Григорьевича читалась ненависть, хорошо знакомая врачам – слишком много на свете людей, которые с удивительной легкостью профукивают свою жизнь, а в последнюю

минуту требуют, чтобы именно врач вернул им все – и здоровье, и молодость. Они уверены, что в мединститутах учат на волшебников.

Леснов незаметно усмехнулся под маской и ответил коротко и серьезно:

– Меня этому учили – спасать людей! – И, уже не обращая ни на кого внимания, опять принялся копать в чужих кишках, иссеченных чудовищным зарядом картечи.

Валентин Григорьевич засопел и добавил с надрывной хрипотцой:

– Смотри! Если брат жить не будет – пожалеешь!

Закревский поморщился и опять предупреждающе потянул его за локоток.

Борис Ильич уже пожалел, что позволил младшему Шапошникову заглянуть в операционную. Леснов парень с характером, но такие угрозы кого угодно вышибут из седла. Нельзя, чтобы у него дрогнула рука. Слишком многое поставлено на карту.

– Валентин Григорьевич, ты успокойся! – понижая голос, сказал Закревский. – Здесь специалисты работают. Сделаем все, что в наших силах...

– Так делайте, делайте! – с неожиданными плачущими интонациями выкрикнул Шапошников-младший и, сорвавшись с места, быстро пошел к выходу.

Закревский с беспокойством посмотрел ему вслед и негромко спросил:

– Почему сам взялся, почему не вызвал Тупицына, Можая почему не вызвал? Блеснуть хочешь?..

– Прикажете ждать, пока больной истечет кровью? – с вежливой издевкой спросил Леснов, не прерывая работы, и тут же скороговоркой приказал: – Карина, зажим, быстро! Вот сюда, где мой палец...

Закревский скорбно вздрогнул, но голос его прозвучал жестко:

– Ты понимаешь, о чем я! Кровотечение ты обязан был остановить, но, учитывая характер раны, полагаться на удачу было легкомыслием... Нужно было подключать всю бригаду...

– Делить ответственность? – насмешливо спросил Леснов.

– И это в том числе! – терпеливо ответил Закревский. – И вообще нужно было подумать... Может быть, целесообразнее было отправить больного в область... У них там специалисты собаку съели на полостных операциях!

– А вы довезете его до области? – спросил Леснов. – Сами знаете, что нет! И давайте оставим этот разговор, Борис Ильич! Вы мне, извините, мешаете!

Закревский понимающе наклонил голову. Только, уходя, напомнил:

– Можаяев должен сейчас подъехать... Вместе тут...

Точными молниеносными движениями накладывая швы на поврежденный участок кишки, Леснов неожиданно резко сказал:

– Если Игорь Анатольич в обычном своем состоянии – он мне не нужен! Лучше пусть подождет, пока я закончу!

Закревский закусил губу и молча вышел из операционной. Леснов не смотрел по сторонам, но чувствовал, что со всех сторон на него направлены недоуменные взгляды. Даже в жгучих глазах Карины отчетливо читалось неодобрение. О страстной привязанности Игоря Анатольевича к горячительным напиткам знали все, но так открыто своего неодобрения не выражал еще никто, все-таки заведующего в отделении любили.

Леснов понимал, что рискует со многими испортить отношения, но положился на судьбу. Сегодня вообще день был такой – рискованный. Интуиция, однако, подсказывала, что нельзя упускать свой шанс, когда-то надо начинать, если хочешь пить шампанское. Пока пьяница и рохля Можаяев возглавляет отделение, ему, Леснову, не выдвинуться. Нужно самому раскачивать эту неподатливую инертную глыбу. А лучшего случая и придумать трудно. Вот она, синяя птица, почти уже в руках, правда, в любую минуту она может упорхнуть, оставив на память только пучок окровавленных перьев, тогда ему никто не позавидует.

Но Леснов верил в свои силы, а предчувствие говорило, что сегодня ему повезет. Этот чертов нувориш, этот банкир и депутат, которому кланяется полгорода, должен выкарабкаться! Несмотря на рану, почти не оставлявшую ему шансов, несмотря на то, что Леснов не стал делить ответственность со специалистами, несмотря на мрачные угрозы брата. Леснов был уверен, что все сделал вовремя и правильно, а организм у этого денежного мешка крепкий – выкарабкается! Другой вопрос, что ждет его впереди. Повторные операции, инвалидность, жалкая жизнь – неважно. Главное, это будет жизнь, и спасибо придется сказать ему, Леснову. И пусть попробует не сказать, он сумеет о себе напомнить, он не из стеснительных.

Сейчас не те времена – стеснительных просто затапывают. Свою судьбу надо строить, как строят дом, – терпеливо, настойчиво, сгибая пальцы и надрывая пупок. И обязательно рискуя, к сожалению, без этого не обойтись. В сущности, человек всегда одинок – от колыбели и до могилы. А одиночка неизбежно рискует.

Вот как, например, Закревский. Он не зря сегодня не спит и даже прибежал, не выдержал, в операционную. Не человеколюбие им движет, не клятва Гиппократ. Давно поговаривают, что с братьями Шапошниковыми он неразлейвода. А что удивительного – у братьев крупнейший в городе коммерческий банк, а у главного врача больницы – живые деньги. При желании всегда можно рискнуть и покрутить часть этих денег месячишко-другой, результаты оправдывают все неудобства и весь риск. Главное, чтобы в налаженной цепочке не было разрывов.

А сегодня не пофартило – цепочка оборвалась. Да где – в самом главном звене! И еще неизвестно, кто нафаршировал банкира картечью и что за этим последует. Какой интерес проявят следственные органы к делам осиротевшего банка, какие счета поднимут. Значит, нужно сделать так, чтобы проклятый буржуй выжил, тогда не только он будет в долгу перед Лесновым. Закревский тоже. Конечно, у сильных мира сего короткая память, но уж он постарается сделать так, чтобы она подольше оставалась свежей...

Игорь Анатольевич Можаяев вошел в приемный покой, когда часы на стене показывали десять минут шестого. Он шел своей обычной неуверенной походкой, как-то застенчиво, боком, и на лице его было виноватое выражение. Поношенный серый костюм болтался на нем как на вешалке. Выбрит он был как попало, и в складках кожи виднелись островки седоватой щетины. Глаза казались воспаленными.

Заведующему отделением было пятьдесят лет, но выглядел он старше своего возраста, особенно сегодня утром. Вообще по утрам Игорь Анатольевич всегда выглядел неважно. Все знали, в чем причина, и он понимал, что все знают, и от этого вел себя суетливо и покладисто, он старался не наживать врагов.

Можаяев не пошел сразу в отделение. Протиснувшись боком в дверь смотровой, он виновато поздоровался с Анастасией Степановной, с Аллой и Галиной – со всеми по отдельности. Потом вздохнул и присел на край кушетки, опустив длинные руки между колен.

– Долгонько добирались, Игорь Анатольевич! – с мягким упреком заметила Ромашкина. – Поди, без вас уж все закончили!

Она ничего против Можаяева не имела, но слегка все-таки презирала его за постыдную слабость. Впрочем, открыто свои чувства Ромашкина старалась не выражать несмотря ни на что, Можаяев до сих пор неплохо оперировал, а ссориться с хирургами может только полный идиот.

– Да? – с каким-то даже удовлетворением произнес Можаяев. – В самом деле? Ну и слава богу! Я тебе честно признаюсь, Анастасия, что-то я сегодня не в форме... Поэтому и собирался долго. Понимаешь, как вышло – вчера к батю в деревню поехал, картошку помогал копать... Семьдесят пять лет старику, представляешь? Двенадцать соток одной картошкой засадил! Я говорю, батя, куда тебе столько? С твоим аппетитом тебе одного мешка за глаза хватит! Да разве их переубедишь? Заладил одно – запас карман не трет, на базар повезу... С твоим ли, говорю, здоровьем – по базарам! – Можаяев махнул рукой. – Ничего слушать не

хочет!.. Короче, до поздней вчера ночи... а там, как водится, не обошлось и без этой... без злодейки, значит... Батя, несмотря на возраст, знаешь, до нее какой ярый?

– Чего-то вы рано копать-то начали? – сочувственно заметила Алла.

Можаев улыбнулся ей:

– Да как не копать? Сейчас знаешь сколько мудрецов развелось? Подъезжают прямо на поле, не таясь, и все подчистую! И ничего не сделаешь – они бандой, когда с ружьями даже... Так что не зевай!

– Это верно, – вздохнула Алла. – У моей мамы тоже в прошлом году пол-огорода вскопали. Наверное, нынче надо пораньше...

Анастасия Степановна скептически хмыкнула и напомнила грубовато:

– Так ты бы, Игорь Анатольевич, все же пошел наверх. А то Закревский здесь всех велел собрать. Я уж и Тупицыну звонила, только он в отпуске, жена сказала – выехал в Волгоград к тетке...

– Да я ведь о чем и толкую, Анастасия! – жалобно проговорил Можаев. – Я, конечно, сейчас пойду... только неловко... руки вон ходуном ходят... Мне бы привести себя в порядок – слегка...

– Там у себя и приведешь, – сказала Ромашкина. – Только смотри, Закревский тут по всем этажам бегает, злой как черт! Этого же подстрелили – Шапошникова...

– Это, что же, того самого? – осторожно поинтересовался Можаев. – «Нового русского»? Я его-то самого не знаю, я брата его оперировал... постой, в семьдесят шестом, кажется! Аппендэктомию делал... Ему тогда лет пятнадцать было...

– И братец уж прибежал! – саркастически заметила Алла. – Мы все думали, что за чудо такое? Прямо с сигарой сюда завалился, как в кино! Потом оказалось – брат...

– Тут все уж перебивали, – сообщила Ромашкина. – И милиция, и прокурор, и из администрации... Шум на всю Европу! Тебя только не хватает, Игорь Анатольевич!

– Понятно, – вздохнул Можаев. – Ранение-то серьезное?

Ромашкина махнула рукой.

– Я как поглядела – чуть не стошнило! Вместо живота фарш какой-то! Я думаю, не жилец!

Можаев сделался серьезным, потер ладонями щеки.

– Ну, знаешь, заранее никогда нельзя сказать! – возразил он. – Разные случаи бывают... Сегодня вроде Витя дежурит? Талантливый парень! И рука у него железная. Помяните мое слово – он еще большим человеком будет! Гордиться станем, что работали с хирургом Лесновым!

– Если он такой знаменитый, что же его из Москвы-то поперли? – ревниво спросила Алла.

– Да не из Москвы! – добродушно поправил Можаев. – Из Подмосковья. Сам уехал. Что-то в личной жизни у него не сложилось – бывает... А хирург он золотой, это я вам говорю!

– Гоношистый больно! – скептически заметила Анастасия Степановна.

– Характер! – развел руками Можаев. – Характер у нас у всех не сахар!

– Ну, уж про вас-то этого никак не скажешь! – засмеялась Алла. – Вы-то ко всякому подход имеете. Не зря вас в городе уважают.

Можаев смущенно отмахнулся и встал.

– Это знаешь как говорят? Первые десять лет врач работает на свою репутацию, а потом уже репутация работает на него... Так и я – живу старым багажом. Ну, ладно, девочки, с вами хорошо, а идти надо! Не в форме я, а ничего не поделаешь... Скажите мне «ни пуха, ни пера»! – Виновато улыбнувшись, он ушел во внутреннюю дверь.

Алла задумчиво посмотрела ему вслед и сказала:

– Хороший человек!

– Толку-то что – хороший человек? – брюзгливо откликнулась Анастасия Степановна. – Мало ли их, хороших, а кончают все одинаково. Помнишь Румянцева? Какой диагност был! А где он теперь? Сдох где-нибудь под забором. А все глотка проклятая! Помяни мое слово – и этого ничего хорошего не ждет, если не остановится!

Глава 2

Плужск – город небольшой, надежно затерявшийся в российской глуши, но цивилизация добралась и сюда. Просто диву даешься, откуда здесь столько роскошных иностранных машин. Они заполонили узкие кривые улочки, носятся туда-сюда с таким самодовольным видом, будто весь город принадлежит им. От их непрерывного жужжания болит голова. А жарким летом ближе к вечеру становится совсем невыносимо, воздух пропитывается выхлопными газами, испарениями от раскаленного асфальта, и кажется, что вдыхаешь в себя что-то едкое, напоподобие нашатырного спирта. На деревьях вянет листва, а тело зудит, словно за шиворот высыпали горсть песка.

Карина не любила это время суток. И себя в это время она не любила тоже. Она казалась себе в этот момент утомленной, постаревшей и нисколько не привлекательной. Может быть, все дело в том, что позади остались восемнадцать часов утомительной работы, тяжелая операция и нервотрепка до самого конца рабочего дня. А может быть, в том, что Виктор сегодня не сказал ей ни одного ласкового слова, даже не попрощался, только буркнул что-то сквозь зубы, будто она была лишь одной из многих.

Конечно, ему пришлось нелегко. Пожалуй, он имел право быть раздраженным и невнимательным. В одиночку прооперировать такого тяжелого больного, выдержать прессинг со стороны коллег, гнусные угрозы наглого родственничка – это не каждый сумеет. Но она-то чем провинилась? С первой до последней минуты она была рядом, так же отважно включилась в операцию, хотя, может быть, это было и не ее дело. Недаром Закревский все время ждал санацию, как бога ждал.

Ну, ясное дело – так бы он и доверил, чтобы такую шишку оперировал какой-то мальчишка и обыкновенная медсестра, пусть даже операционная, пусть даже заработавшая на последнем конкурсе титул лучшей! Да ни за что на свете. Только куда было деваться? Если бы этот бедолага стал дожидаться областных хирургов, наверное, отдал бы богу душу.

А те, правда, все-таки прилетели – в семь часов утра. Извинились, объяснили, что раньше не получилось – вылетели в другой район на аварию. Какой-то глава администрации разбился на джипе, а с ним еще пять человек. Двое погибли, но сам глава, к счастью, пострадал не слишком сильно. Наверное, вчера для командиров был не самый благоприятный день.

Областные светила все-таки осмотрели больного, побеседовали с Виктором и пришли к выводу, что операция прошла блестяще – лучше и желать нельзя. Похвалили Закревского за подбор кадров. О том, чтобы переправить пациента в область, высказались уклончиво – мол, не видят никаких препятствий для долечивания на месте, а транспортировка может повредить больному. Тут еще и Виктор виноват – другой бы обрадовался, что может свалить с плеч такую обузу, а этот уперся – сами осуществим реабилитацию, и все тут. Честолюбив он патологически. Потому и для Карины у него уже слов не нашлось, он теперь влюблен не в нее, а в этого Шапошникова. Теперь он будет его обхаживать и говорить ему ласковые слова и ночей спать не будет, пока этот чертов банкир не встанет на ноги. Он лично будет с ложечки его кормить и подтирать ему зад, если потребуется, – насчет этого у Карины никаких сомнений не было. И вовсе не потому, что у Виктора болит за него душа. Просто он хочет доказать всему миру, что Виктор Леснов – ас, величайший хирург современности.

Рано или поздно он это докажет, Карина была уверена в этом, – только какой ценой? И что лично ей сулит эта радужная перспектива? Когда у них с Виктором закрутился роман – сперва легкий, ни к чему не обязывающий, – ей было двадцать пять. Она была уверенной в себе, сильной и необыкновенно популярной, на нее оглядывались не только коллеги-мужчины, не только тяжелые больные, в которых, кажется, душа едва теплилась, но даже женщины провожали ее завистливыми взглядами.

Теперь ей было двадцать семь, и, хотя Карина по-прежнему была хороша собой, что-то менялось, и менялось неотвратно. Зеркало не слишком явно, но настойчиво демонстрировало ей кое-какие приметы стремительно убегающего времени – то морщинку у рта, то блекнущую полоску кожи, то неизвестно откуда взявшийся седой волос... Оно постоянно напоминало, что критический рубеж не за горами.

А служебный роман тем временем как-то незаметно перешел в настоящую любовь, в мучительную, изматывающую страсть, по крайней мере, с ее стороны. Увы, как ни пыталась Карина убеждать себя в том, что Виктор испытывает к ней не менее сильные чувства, получалось это у нее все хуже и хуже. Рано или поздно открывается любой обман, даже когда обманываешь самого себя.

Нет, она была для Виктора по-прежнему желанной. В постели он, как и раньше, был нежен и неистов. Но Карину уже не устраивала роль удобной партнерши, она мечтала о большем. Мысленно она уже связала свою судьбу с этим сильным честолюбивым мужчиной, в котором ее привлекало все, даже то, что многим казалось неприятным и отталкивающим. Она надеялась, что Виктор тоже нуждается в ней, тем более что в этом городе он был чужим и никто не мог понять его лучше, чем она.

Но Виктор, похоже, думал иначе. Проходили недели, месяцы, а их отношения оставались все такими же ровными и расплывчато-неопределенными. От малейшего толчка они могли измениться – или превратиться во что-то более прочное, или, что вернее, окончательно рассыпаться. Виктора это вполне устраивало, Карина думала об этом нарочито равнодушно, но каждый раз в груди у нее появлялся пугающий холодок.

Особенно тоскливо ей становилось, когда Виктор с головой погружался в дела – без перерыва оперировал, выхаживал больных, а иногда по вечерам что-то строчил в толстой тетради, хмуря лоб и роаясь в растрепанных справочниках. В такие минуты он напрочь забывал о Карине, вернее, он видел в ней лишь операционную медсестру, функциональную единицу, и ничего больше. Она пыталась проучить его, тоже переставая обращать на него внимание. Но надолго ее не хватало, и Карина мгновенно таяла, стоило Виктору ей улыбнуться или взять за руку. В общем, все было скверно.

Особенно скверно бывало после полудня, когда нужно было одной отправляться домой через напитанный жаром и смогом город, чувствуя себя смертельно усталой и никому не нужной. Карина с большим бы удовольствием осталась там, за больничными стенами, рядом с Виктором, она заставляла себя быть в форме, не сгибаться и не опускать руки. Но дома ждала мать, уже два года как она была тяжело больна, а Карина не могла полностью доверить ее младшей сестре. Наталья хоть и вздумала повторить ее путь, поступив в медицинское училище, но в силу возраста и легкомысленного характера была не слишком надежной опорой.

Добравшись до автобусной остановки, Карина почувствовала, что окончательно расклеилась. У нее разболелась голова, и в то же время отчаянно хотелось спать. Погруженное в ядовитую дымку солнце било своими лучами прямо в лицо, растекаясь по коже липким раздражающим жаром. Карине казалось, что она выглядит сейчас ужасно, что веки ее опухли, под глазами мешки, а на плечах будто лежит груз, заставляющий горбиться и смотреть себе под ноги. Когда подошел автобус, остановка уже была полна народу. Карина едва втиснулась в раскаленную железную коробку и пристроилась на задней площадке возле последнего сиденья, намертво вцепившись в облезлый поручень.

После некоторой заминки двери с натугой закрылись, и автобус, бренча и кашляя, отъехал от остановки. Несмотря на открытые форточки, в салоне нечем было дышать – пахло бензином и человеческим потом. Прямо перед носом у Карины маячила чья-то спина – белая рубашка была покрыта мокрыми пятнами.

Она изловчилась и сумела повернуться лицом к окну. Так было немного полегче – из раскрытой форточки дул свежий ветерок, охлаждая воспаленную кожу. Бесцельно глядя на проплывающие за окном дома, Карина опять принялась думать о своем.

Теперь она вспомнила, как встретилась с Виктором впервые. Она уже два года работала в экстренной хирургии, вполне там освоилась и даже имела связь с одним из хирургов. Ничего, впрочем, серьезного. Такие истории случаются сплошь и рядом. Изматывающая работа, долгие ночные дежурства, невольная близость, когда работаешь, ешь, умываешься, переодеваешься на глазах у коллег. Прибавьте сюда известную долю цинизма, свойственную людям этой профессии.

В хирурги вообще почему-то большей частью шли мужчины крупные, сильные, с широкой натурой – настоящие мужчины. На это Карина обратила внимание еще будучи школьницей, когда впервые попала в эту больницу с приступом аппендицита. Хирург, ее лечивший, показался ей необычайно громадным, надежным и ласковым. Она млела, ощущая прикосновение его мощных, но удивительно бережных рук, с восторгом слушала его участливый голос и смотрела в живые, внимательные глаза. Он даже некоторое время снился ей по ночам.

Наверное, детские впечатления подсознательно определили последующий выбор Карины и в личной жизни, и в выборе профессии. Конечно, уже много лет прошло, когда она, окончив медучилище, поступила работать в отделение экстренной хирургии, но, увидев вдруг своего спасителя снова, на том же месте, Карина почувствовала, как детская влюбленность опять оживает в ней.

Однако все было уже по-другому, Карина к тому времени была достаточно искушенной в вопросах секса. В училище у нее было несколько романов с однокурсниками, ни к чему не обязывающих, но далеко не невинных. Кроме того, в нее без памяти влюбился преподаватель физкультуры – молодой самоуверенный атлет с ямочкой на подбородке, и она даже не заметила, как оказалась в его постели. Глубокого следа в ее душе эти приключения не оставили, Карине просто нравилось быть желанной. И еще ей хотелось поскорее обрести опыт, почувствовать себя не девчонкой, а женщиной, которая имеет власть над мужчинами. В какой-то мере ей это удалось, и хотя встреча с тем самым хирургом пробудила в душе чувство, похожее на прежнее обожание, но теперь Карина переживала его немного иначе. Ей самой было немножечко смешно возвращаться к роли юной влюбленной. Тем более что и хирург с первого дня начал недвусмысленно демонстрировать свой интерес к ней, старался при каждом удобном случае попасться ей на глаза, говорил ласково и, словно невзначай, порывался коснуться своими мощными заботливыми руками то плеча, то бедра, то груди.

Звали его Петр Константинович Тупицын, и был он ведущим хирургом, пользовался огромным спросом и уважением. Если кто-то волей судьбы попадал на операционный стол, то первый вопрос всегда был – кто будет оперировать? И если выпадало так, что оперировать должен был Тупицын, лица даже безнадежных больных озарялись счастливой улыбкой.

Петр Константинович Карину, конечно, не узнал, во время их первой встречи она была просто гадким утенком, сколько таких прошло через его руки! Он даже удивился, когда однажды Карина напомнила ему об этом.

Он и сам с тех пор здорово изменился – погрузнел, постарел, на лбу появились залысины, а в голосе отчетливые равнодушные интонации. К тому же он оказался довольно заурядным собеседником и, кроме работы, ничем, кажется, не интересовался, за исключением похабных анекдотов и выпивки. Пил он, конечно, не так крепко, как Можаяев, но от рюмки редко отказывался. Впрочем, это считалось абсолютно естественным – хирурги во все времена пили водку и трахали женщин. Было в этом обычае что-то гусарское, – отложив в сторону окровавленную сталь, расслабиться на веселой пирушке.

В общем, все оказалось почти обыденным. Обожание, какое испытывала Карина к этому казавшемуся когда-то необыкновенным мужчине, развеялось очень быстро. Вскоре после того,

как они впервые сошлись с ним. Это случилось во время ночного дежурства, выдавшегося на редкость спокойным и поэтому казавшегося бесконечно долгим. Сначала они просто болтали в полутьме пустой ординаторской, а потом Петр Константинович предложил ей от скуки тяпнуть по стопочке спирта. Все остальное получилось само собой – они занялись любовью на старом продавленном диване, который был свидетелем, наверное, сотен таких безобразий. Все было второпях и не принесло Карине особого удовлетворения, зато она лишилась еще одной иллюзии, приобретя взамен очередную частицу того, что зовется жизненным опытом.

Об их связи наутро знали уже все – больница не то место, где можно что-то утаить. Карине было наплевать, что о ней судачат. Гораздо хуже было то, что с каждым днем она убеждалась – Тупицын ничего для нее не значит, и то, что происходит между ними, глупо и бессмысленно. Однако порвать с любовником она не спешила – то ли из-за упрямства, то ли из-за жалости. Петр Константинович был, разумеется, женат, но супружеской жизни у него в полном смысле этого слова не было – жена его постоянно болела (было у нее какое-то чисто женское неблагополучие) и дважды в году лежала в стационаре. В общем, ничего хорошего.

Воспоминания Карины были прерваны, когда автобус внезапно и резко затормозил и пассажиры повалились друг на друга, соприкасаясь горячими потными телами и ругаясь на чем свет стоит. К счастью, дверцы открылись, и человеческая масса частично рассосалась на очередной остановке.

Правда, взамен вошли новые пассажиры. Ощущая горячее дыхание над ухом и бесконечные тычки в бок, Карина с завистью посмотрела на тех, кто сидел на заднем сиденье. Они все-таки располагали некоторым комфортом, могли расслабиться и даже поговорить.

Невольно Карина прислушалась к назойливому стрекочущему голоску женщины в безвкусном платье, из-под которого выглядывала скрученная бретелька лифчика. Бретелька была розовой, а кожа на полуоткрытом плече женщины бледной, с россыпью бурых пигментных пятнышек – сочетание, которое вызвало у Карины острый приступ брезгливости. Вдобавок на голове у этой женщины был какой-то невообразимый перманент, делавший ее невыразительную внешность совсем уж отталкивающей.

Но эта дама, кажется, считала свой экстерьер абсолютно естественным и вела себя раскованно, почти в полный голос беседуя с соседкой по сиденью. То, что она говорила, заинтересовало Карину. Глядя в окно, она слушала не отрываясь, потому что сразу сообразила, о чем идет речь.

– ...Так вот, ты представляешь, какой ужас? Утром прибегает Катька, вся в слезах, лица на ней нет – говорит, мама, я боюсь там оставаться! Вдруг нас тоже убьют? Они с мужем живут как раз напротив – в такой же пятиэтажке...

Соседка, дебелая, с высокой прической, глаза навывкате, перебила с живейшим интересом:

– Она что же, в обычном доме жила, любовница-то?

– Ага! В квартире на первом этаже. Говорят, у нее на площадке только ее квартира и была, остальное там под магазин передали. Очень удобно – принимай кого хочешь, никто тебе и слова не скажет...

– А как его... Ну, который к ней ездил?

– Да Шапошников же! Да знаешь ты его! Он до девяностого года на электромеханическом инженеришкой работал. Потом, когда сокращение пошло, пристроился водкой торговать, с криминалом связался... Потом куда-то пропал, а уж пять лет как он банкир – на Гагарина дом с колоннами видел? «Триггер-банк» называется – вот он им и управляет...

– Так этот самый?! Депутат который?!

– Он! Они теперь все в депутаты подались, чтобы, значит, полная неприкосновенность... Вот он к этой девке и ездил. Причем жена у него, говорят, неплохая, но вот потянуло кота, как

говорится... Ну та, покойница, вообще красавица была, просто вот бери и на обложку! Губа у этих депутатов не дура!

– Так что – всех и перестреляли?

– Ты слушай! Он к ней приехал часов в десять на «Мерседесе» и заночевал. А водитель его, охранник, все это время в машине торчал, а куда денешься? Часа в три ночи вдруг подъезжает еще одна тачка, из нее выходят четверо – и в этот самый подъезд. Охранник-то забеспокоился – и за ними. И тут как пошла стрельба! Водителя наповал, девку, говорят, всю изрешетили, а Шапошникова в живот из ружья. Может, и его бы прикончили, да, говорят, он не спал вовсе, тоже успел выстрелить. Спугнул их.

– И чего же дальше?

– А чего? Сделали они свое дело, сели в машину – и поминай как звали! Соседи, которые проснулись, милицию вызвали, «Скорую»... Тут же эти понаехали – крутые на «Мерседесах», откуда уж узнали? Должно быть, Шапошников еще в чувстве был – сам позвонил. У них теперь ведь в каждом кармане по телефону...

– И как он – живой?

– А кто знает? Увозили – вроде еще живой был. Но кто видел, говорят – ужас необыкновенный! Квартира в крови вся! На лестнице кровь, и даже возле дома лужа... Просто мясорубка, представляешь? Следовательно будто объяснил, что эти из обрезов стреляли картечью, как на крупного зверя, с особой жестокостью!

– Да-а, жизнь! Живешь и не знаешь, доживешь ли до завтра!

– Не говори! Страшно жить, страшно!

Голова в завитках немыслимого перманента повернулась лицом в сторону Карины, и выцветшие глаза пристально уставились на девушку, словно призывая ее тут же подтвердить тезис об ужасе жизни.

Карина с досадой обнаружила, что давно и с интересом пялится на незнакомую словоохотливую тетку, и тотчас скромно отвела взгляд.

Вот, значит, как – уже весь город знает об этой истории! Знают даже, что говорил следователь. И ничего удивительного – Плужск не то место, где можно что-то сохранить в тайне.

Вот и о ее связи с ведущим хирургом узнал весь город. Все коллеги, все старухи на базаре, и, разумеется, жена Тупицына тоже узнала. Карина была не склонна придавать этому особое значение, но однажды ее вызвала в свой кабинет старшая медсестра отделения Надежда Николаевна.

Если Карина кого и побаивалась в своей жизни, так это именно Надежду Николаевну, худощавую подтянутую женщину с пронзительным взглядом и тихим беспощадным голосом. Этим голосом она могла довести до слез любую медсестру, любую санитарку. Да и врачам порой от нее доставалось. Хирурги за глаза называли ее железной леди. Надежда Николаевна знала свое дело и свое отделение как пять пальцев и не прощала ни малейшей нерадивости. Невытертая пыль на подоконнике или не приготовленный вовремя дезраствор грозили виновнице таким разносом, после которого многие писали заявление об уходе.

Идеальный порядок и стерильность были ее манией. Именно этого она требовала от каждой новой медсестры с самого первого дня. Она вводила в курс дела каждую из них – Карину, разумеется, в том числе, – лично демонстрируя, как готовить материал для стерилизации, как правильно обрабатывать руки перед операцией, как раскладывать на столике инструменты, как заполнять документацию, как выхаживать больного. Урок был стремительным, но доходчивым – сообразительные схватывали его на лету. Тех же, кто не умел учиться быстро, ждали ежедневные неотвратимые разносы, учиненные негромким зловещим голосом, от которого самые крепкие рыдали в голос.

Некоторые девчонки, набираясь нахальства, пытались на Надежду Николаевну жаловаться, но это кончалось плачевно – начальство неизменно оказывалось на стороне старшей сестры, и бунтовщицы в итоге с позором покидали больницу.

Карина оказалась сообразительной – настолько сообразительной, что хирурги вскоре стали все чаще привлекать ее к участию в операциях. И не за черные брови, разумеется; над окровавленным операционным полем, в лучах белого света, между жизнью и смертью эти добродушные мужики, выпивохи и бабники, напрочь забывали о своем легкомыслии, становились злыми и сосредоточенными, думали только о деле и не прощали ни малейшей ошибки. Карина почти не делала ошибок. Более того, она без особых усилий осваивала и то, чего от нее не требовали. Она многому нахваталась у хирургов, стоя вместе с ними возле операционного стола, именно поэтому сегодняшней ночью Леснов, не колеблясь, взял ее в помощники, и она справилась. Игорь Анатольевич Можаяев, добрейший человек, не один раз, сокрушенно покачивая головой, говорил: «Тебе, красавица, в институт надо! Ты тут тогда всех мужиков за пояс заткнешь!» Она отмахивалась – без того в жизни забот по горло. Но слушать такое было приятно.

Ценила ее и Надежда Николаевна, хотя старалась внешне этого не подчеркивать. Однако, общаясь с Кариной, она вдруг странным образом менялась – глаза ее теплели, а голос хотя и оставался тихим, но жесткие интонации совершенно из него испарялись. Можно сказать, Надежда Николаевна держалась с ней на равных.

Но однажды Карина все-таки испытала на себе гнев старшей медсестры. Та пригласила ее к себе в конце рабочего дня, и по тому, каким тоном это было сделано, уже можно было догадаться, что ничего хорошего Карину не ожидает. Однако, не чувствуя за собой никакой вины, она вошла в крошечный кабинет старшей без страха и, сунув руки в карманы халата, выжидающе остановилась у порога.

Надежда Николаевна сидела за столом, неестественно выпрямив спину, про таких говорят «будто аршин проглотила», и разглядывала Карину изучающим, далеко не добрым взглядом. Карине это показалось почему-то забавным.

– Да что случилось-то, Надежда Николаевна? – с легкой досадой воскликнула она, капризно надувая губы.

Глаза старшей сердито сверкнули, и она легонько хлопнула ладонью по столу.

– Хватит! Что случилось... – негромко, но пугающе произнесла Надежда Николаевна. – Бедная овечка! Не знает она, что случилось! До каких пор это будет продолжаться, ты мне скажи!

И хотя предмет разговора по-прежнему не был назван, Карина сообразила, о чем идет речь. Но здесь она не считала свои позиции слабыми. В ее черных глазах тоже загорелся упрямый огонек, и она с вызовом сказала:

– Это вы про мою личную жизнь?

На лице Надежды Николаевны не дрогнул ни один мускул. Продолжая сверлить Карину взглядом, от которого делалось до ужаса неуютно, она отчеканила тихим, но категорическим, как приказ, тоном:

– Твоя личная жизнь меня не касается! Только какая это личная жизнь, когда про нее знает последняя санитарка? Когда жена Петра Константиновича каждый день плачет, а ей, может, своих причин для слез хватает! Об этом ты подумала? И учти, с кем другим я и говорить бы не стала – выгнала бы с треском! И добро бы между вами любовь была, так нет же этого! Дурь одна – я не вижу, что ли? С Петра Константиновича какой спрос – мужик до самой старости как дитя. А ты женщина, красавица каких мало, соображать должна! Тебе хорошего парня искать надо, семью создавать, а ты смотришь на эту шушеру, которая по кабинетам тискается! Твое ли это дело? Почему в институт не идешь, как Можаяев советует? Он, между прочим, мужик неглупый, попусту не болтает...

В ответ на это Карина хмуро возразила в том же смысле, что и без того забот хватает.

– Пускай так, – согласилась Надежда Николаевна. – Без института можно прожить. А без репутации, заруби на носу, не выйдет! Так и будешь всю жизнь в подстилках числиться, в быдле... Что бы вы там ни говорили, а без репутации человек гроша ломаного не стоит. Так было во все времена и так будет! Я ведь тебя на свое место прочила – мне до пенсии всего ничего осталось. Дальше работать и дня не буду. А ты такие кренделя выкидываешь!

– Может, мне оно ни к чему – это место, – возразила Карина.

– Может, и ни к чему, – согласилась Надежда Николаевна. – Говорят же, не место человека красит... А с Петром Константиновичем у тебя личные дела закончились – с сегодняшнего дня! Или же я их сама закончу – да так, что ты до самой смерти вспоминать будешь! Поняла?

Карина ничего ей на это не ответила. По-прежнему держа руки в карманах, она с независимым видом рассматривала крашенные стены. Ее свободолюбивая натура бунтовала против этого беспардонного вмешательства, но разум подсказывал, что, в сущности, Надежда Николаевна совершенно права и обижаться Карине следует только на себя.

– Ты ведь и сама не рада, сознайся! – продолжала между тем Надежда Николаевна уже другим, почти задушевым тоном. – Ну что тебе за резон обжиматься с мужиком, который уж все огни и воды прошел? Чего он тебе может дать? Пьяница, балабол, давление у него – не знала? Обрюзг весь, глаза потухшие... Я ведь его совсем другим помню – огонь был мужик! И жена его, Алла Дмитриевна, милая такая была женщина... Раньше они везде под ручку... Время никого не щадит! Вот и у тебя, думаешь, немерено этого времени? Ошибаешься! Совсем чуть его осталось. Не успеешь оглянуться, а жизнь-то уж и прошла...

Карина опять ничего ей не ответила. Да, пожалуй, сейчас она и не смогла бы этого сделать – к горлу ее подступил внезапно комок, а где-то в углах глаз задрожали предательские слезы. Что это было – стыд, досада, она и сама не знала. Просто в этот момент Карине почему-то стало себя до ужаса жаль.

Надежда Николаевна внимательно посмотрела на нее и закончила устало:

– Хорошо, иди... Чего тебе объяснять – ты и сама все отлично понимаешь... Кстати, вот возьми! Это шприцы тебе, одноразовые. Мама у тебя болеет, знаю. Всего не накопишься – на нашу-то зарплату! Возьми!

Карина не сразу, но все-таки подошла к столу, сунула под мышку коробку. Сказать «спасибо» у нее не получилось, она только кивнула поспешно головой и быстро вышла из кабинета.

Почему-то и теперь при этом воспоминании на глаза ее навернулись слезы. Карина несколько раз взмахнула ресницами, стараясь прогнать их, и вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. А может быть, причиной был просто запах перегара, доносившийся до нее слева. Карина неодобрительно покосилась в ту сторону и увидела нависшего над ней долгового парня с потрепанным лицом и кудрявыми бакенбардами.

– Утю-тю! Чего-то мы плачем? – осклабившись, спросил парень, придвигаясь поближе. – Может, я утешу!

– Вали-ка на... – жестко сказала Карина, и глаза ее моментально сделались сухими.

Озадаченный парень облизнул слюнявые губы и хотел разозлиться, но Карина смотрела на него такими презрительными и бесстрашными глазами, что он не выдержал и, бормоча что-то угрожающее, ретировался поближе к выходу.

С такой публикой Карина давно умела обращаться, в ее жизни попадалось много таких, желающих утешить, разделить с ней стакан портвейна, полапать где-нибудь в подворотне. Да и в хирургическое отделение такие шепутные, плохо управляемые клиенты поступали довольно часто. Они признавали только тех, кто давал им мгновенный и жесткий отпор. У Карины это получалось, как вообще все, за что она бралась.

Неприятно было другое, кажется, все эти безмозглые мужики видели в ней только подстилку, подтверждая этим правоту слов Надежды Николаевны. И добро бы, так поступала та

рвань, что отирается возле пивных ларьков и магазинных подсобок. Так нет же, с некоторого момента Карина поняла, что и нормальные мужчины ждут от нее того же.

Был у нее один смешной случай, вскоре после того, как они с Тупицыным расстались. Расстались – это, конечно, громко сказано. Невозможно расстаться с человеком, которого видишь ежедневно, а иногда даже по ночам. Просто все у них кончилось с обоюдного согласия и при полном взаимопонимании. Надо отдать должное Петру Константиновичу, никогда впоследствии он ни единым намеком не напоминал об их связи, ни единой душой, будто этой связи и вовсе не было. В сущности, он был замечательным человеком, не желающим причинять никому боль.

Но зато другие помнили и делали порой весьма неожиданные выводы. В конце декабря, когда всей больницей праздновали Новый год, в отделении к тому времени уже появился новый хирург Леснов Виктор Николаевич, Карина изображала на балу Снегурочку. Правду сказать, выбор кандидатуры на эту роль выглядел несколько странно. Знойная чернобровая Карина совсем не походила на холодную Снегурочку. Но она сама напросилась. Ей просто необходимо было находиться в центре внимания. Этот новый доктор, холостой, обаятельный, неизменно корректный, одевавшийся со вкусом и говоривший по-столичному правильно, уже полностью завладел ее мыслями.

Одна беда – он никак не выделял Карину из массы других сотрудников. Был предупредителен, вежлив, но и только. Иногда ей казалось, что Леснов на самом деле холоден как лед. Однако по отделению вскоре стали распространяться слухи о какой-то несчастной любви, из-за которой молодому доктору пришлось сменить место жительства, и Карина вбила себе в голову, что за безразличием Леснов просто старательно скрывает незаживающую рану, может быть, даже боится испытать эту боль снова.

И еще она вбила себе в голову, что они обязательно будут вместе. Только, твердо запомнив урок, преподанный ей Надеждой Николаевной, она не пыталась больше лезть на рожон. Она не собиралась предлагать себя, мужчина сам должен сделать выбор. Просто нужно ему подсказать.

Бал удался на славу. Карина добила своего, все время была в центре внимания и пользовалась бешеной популярностью. Впрочем, к этому она давно привыкла. А когда художественная часть закончилась и все уселись пировать вокруг елки, Карина уже успела переодеться в эффектное красное платье, вдруг выяснилось, что человек, ради которого она так старалась, незаметно ушел.

Ничего глупее и придумать было нельзя. А она уже навоображала себе, как он подсядет к ней за праздничный стол и завяжет разговор, и его серые глаза будут смотреть на ее лицо не отрываясь, а потом они вдвоем, слегка пьяные, уйдут из больницы и будут бродить по расцвеченным новогодними огнями улицам, а сверху будет сыпаться тихий белый снег.

Но Леснов взял и ушел. Один. Даже не пригубив шампанского. Он вообще отличался редким для медика равнодушием к спиртному. Но хотя бы шампанского в Новый год он мог выпить, ведь это то самое время, когда нужно загадывать желания!

Но, видимо, желания хирурга были направлены куда угодно, только не на Карину. Это открытие испортило ей весь праздник. Ей стало невыносимо стыдно за дурацкие кривляния в костюме Снегурочки, тошно от собственного оживления, от сладких мечтаний, от роскошного вечернего платья цвета крови. Поняв, что планы провалились, Карина потеряла ко всему интерес и только никак не могла выбрать, чем себя утешить – отправиться тихо домой или шумно напиться, махнув на все рукой.

Не случилось ни того, ни другого. Правда, выпила она в тот раз чуть больше, чем обычно, и это помогло унять боль и разочарование. А когда дружный коллектив, уже основательно поднабравшийся и развеселившийся, начал рассыпаться на мелкие группки и парочки, и произошел тот нелепый случай, показавший, что усилия Карины не совсем пропали даром.

Банкет проходил в большом актовом зале административного корпуса больницы, по периметру которого были расставлены столы, а в центре красовалась наряженная елка. Пол был усыпан конфетти и разноцветными ленточками серпантина. Собирались со всех отделений, на минутку забегали даже те, кто в эту ночь дежурил. Слишком допоздна не засиживались, как-то это было не принято. После полуночи народу в зале оставалось совсем немного – кто-то уже отправился домой, кто-то, распалясь, уединялся в укромном уголке, кто-то, обычно молодые мужчины, сбивались в компании и шли за добавкой. Дежурные, разумеется, оседали в своих отделениях.

Карина на этот раз задержалась допоздна. На столах уже было все съедено, по залу бродили какие-то покачивающиеся тени, рассматривая на просвет пустые бутылки, за елкой грузный весельчак патологоанатом Луньков рассказывал двум пьяненьким медсестрам анекдоты, и те преувеличенно громко и визгливо смеялись.

Карина никак не решалась уйти, хотя это нужно было сделать давно. Но теперь ее пугала перспектива оказаться на заснеженных улицах одной, посреди веселых огней. Нужно будет ловить такси, ехать в чужой машине на край города, возвращаться в квартиру, где царствуют болезнь и страдание, да еще и выслушивать фырканье Наташки, которой сегодня пришлось весь день быть рядом с мамой...

Она все еще колебалась, когда вдруг к ней подплыл веселенький, разряженный Олег Игнатьевич, заместитель главного врача по гражданской обороне. У него была военная выправка, хитрая улыбка и странная фамилия Беда. На свою должность он попал, выслужив офицерскую пенсию, и теперь всю наслаждался жизнью.

– Кариночка, – сказал он без долгих предисловий, – вы сегодня ослепительны. Я хочу вам показать убежище на случай атомной войны.

Карина засмеялась и напомнила, что видела убежище сто раз, потому что именно там, в подвале, проходили занятия по гражданской обороне.

– Или сегодня должна начаться война? – легкомысленно спросила Карина.

Беда укоризненно покачал головой.

– Типун вам на язык, Кариночка! – с улыбкой сказал он. – Как в песне поется, пусть горит там что попало, лишь бы не было войны!.. А убежище я вам хочу показать, потому что вы ничего подобного еще не видели. Вас ждет сюрприз!

– В самом деле? – спросила Карина.

– Уверю вас, – многозначительно заявил Беда и, наклоняясь к ее уху, прошептал: – Скажу по секрету только вам, у меня там даже припрятана бутылочка шампанского! Пойдемте, честное слово!

Карине вдруг стало весело. Олег Игнатьевич всегда казался ей легким и забавным человеком, от которого невозможно ждать подвоха. Конечно, она понимала, какой интерес им движет, но не считала, что он представляет для нее какую-то опасность.

– Ну что ж, если вы настаиваете, – сказала она. – Пойдемте! Но предупреждаю: рассчитывать вам не на что! Вы можете только обожать меня издали...

– Карина! – возмущенно прогудел Олег Игнатьевич. – О чем вы говорите!

Убежище представляло собой обширное подвальное помещение под административным корпусом с надежными металлическими дверями. Внутри, по идее, предусматривалась принудительная вентиляция с очисткой воздуха, автономная электростанция и необходимый запас продовольствия. Ничего этого не было, потому что вечно не хватало денег, зато на голых бетонных стенах в изобилии были развешаны таблицы, информирующие о действии ударной волны и проникающей радиации. Кроме этого, был ящик с противогазами устаревшей модели, несколько рядов стульев, сцепленных, как в кинотеатре, облезлый стол и запертый на ключ шкаф.

Теперь к этому богатству добавилась гора спортивных матов, сложенных в углу. Стулья были сдвинуты в сторону, а посреди убежища красовалась сверкающая огоньками крохотная елка.

От неожиданности Карина даже ахнула, войдя в раскрывшуюся с железным скрипом дверь. Убежище считалось самым унылым местом в больнице после морга, естественно, и увидеть здесь маленькое сверкающее новогоднее деревце казалось чудом.

– Нравится? – самодовольно спросил Беда и, подождав еще немного, включил в подвале свет.

Многочисленные люминесцентные лампы вспыхнули по всему потолку, наполнив каменный мешок ослепительно ярким светом. Тогда Карина и увидела маты, и сдвинутые к стене стулья, и стоящую на столе бутылку шампанского. Олег Игнатьевич, похоже, основательно подготовился.

– Прошу! – церемонно произнес Беда и под ручку проводил ее к столу, усадив на скрипучий стул с такой торжественностью, словно это был королевский трон.

Потом он распечатал шампанское и наполнил им два граненых стакана.

– Выпьем за новое счастье, Кариночка! – провозгласил он, глядя ей в глаза. – Ведь вы хотите, чтобы вам улыбнулось счастье?.. За стаканы извиняюсь, но, сами понимаете, в убежище никто не станет держать хрусталь... И потом, его здесь попросту сопрут... Ну, выпьем?

Они выпили, и Олег Игнатьевич тут же спросил:

– Почему вы все время одна, Кариночка? При вашей-то стати... Это непорядок!

– Вас-то это почему смущает, Олег Игнатьевич? – насмешливо прищурилась Карина. – Отеческая забота?

Беда принужденно рассмеялся, показывая прокуренные зубы.

– Неужели я так старо выгляжу? – спросил он, наливая шампанское в стаканы. – Нет, правда? А мне так хотелось пробудить в вас какой-то интерес...

Они опять выпили, вот этого уж делать совсем не надо было. У Карины вдруг отчаянно закружилась голова, и она даже не заметила, как Олег Игнатьевич оказался совсем рядом с ней. Карина опомнилась только тогда, когда почувствовала у себя на щеке его горячее дыхание.

– Нет, скажите мне, неужели я вам совсем-совсем неинтересен? – проворковал Беда, довольно уверенно охватывая ее плечи руками. – Вы просто меня не знаете, Кариночка! Уверю, со мной вам будет гораздо лучше, чем с этим вашим... И не настолько я его старше...

Он прижимался к ней все теснее, тычась липкими губами в шею, жадно сжимая пальцами грудь через багровое платье. Карина попыталась вырваться, но Беда с неожиданной силой смял ее в объятиях, подхватил на руки и выпрямился, озираясь по сторонам пылающими, почти безумными глазами.

Наконец его взгляд поймал то, что было нужно, – стопу матов, сложенных в углу. Он сделал движение, намереваясь направиться туда.

В отчаянии Карина наугад повела свободной правой рукой, пытаясь ухватиться за что-нибудь. Представить себе, что этот солдафон сейчас завалит ее на пыльные спортивные маты, будет рвать на ней праздничное платье, было слишком невыносимо.

Неожиданно в последний момент, когда Беда уже понес ее прочь от стола, пальцы Карины наткнулись на горлышко толстой бутылки. Она исхитрилась подхватить ее и сжать в кулаке. В бутылке еще плескались остатки шампанского.

Вне себя от злости и унижения, Карина махнула рукой, и бутылка врезалась Бедо в затылок с глухим чмокающим звуком. Руки он разжал сразу.

Карина упала на бок, ободрав о бетонный пол локоть. Морщась от боли, она распрямилась, точно пружина, и мгновенно вскочила на ноги, тяжело дыша и глядя на Беду с ненавистью и страхом.

Олег Игнатьевич, опустив лицо к полу и охватив руками затылок, сделал еще два-три шага по инерции и вдруг упал на колени. Затем руки его разжались, и он повалился на бетон, закатив глаза под самые брови.

Мгновенно протрезвев, Карина с досадой оглянулась по сторонам, на полу темнела лужа от шампанского и осколки разбитой бутылки, в горячке Карина даже не слышала, как та шарахнулась о бетон. Бледный Олег Игнатьевич неподвижно лежал рядом, неловко раскинув руки, и, кажется, не дышал.

– Этого мне только не хватало! – в сердцах прошептала Карина.

Она присела на корточки и нащупала на шее у Беды сонную артерию. Сердце билось. На лбу у Карины выступила испарина. Она отшатнулась назад и снова встала.

Олег Игнатьевич открыл глаза и со стоном сел. Держась за голову, он жалобно сказал:

– Ну ты даешь! Ты же убить меня могла! С ума сошла, что ли? Я ведь с тобой по-хорошему...

– По-хорошему? – зловеще произнесла Карина.

Ее вдруг прорвало. Она никогда раньше не бывала в таком бешенстве. Тут все сплелось – обманутые надежды, опьянение, чужие жадные руки, грязные маты... Карина выдала своему обидчику по полной программе, она сокрушила в убежище все, что смогла. Она разбила стаканы, перевернула стол, опрокинула шкаф, швырнула в угол ни в чем не повинную елочку, бросила напоследок в Олега Игнатьевича стулом и ушла из подвала, заперев Беду на ключ, который тот опрометчиво оставил в двери.

Потом она отправилась домой, зашвырнув ключ от убежища в глубокий сугроб.

На следующий день замок в двери вырезали автогеном, а потрясенный Олег Игнатьевич на целый месяц взял больничный.

О том, что произошло в ту ночь, так никто, кроме них двоих, не узнал. Как ни странно, Олег Игнатьевич на Карину нисколько не обиделся, да и она на него тоже. Отношения между ними сохранились самые теплые, они даже подшучивали друг над другом, периодически вспоминая то новогоднее приключение, а Карина первое время вообще не могла удержаться от смеха, встречая Беду в коридорах больницы.

Вот и сейчас, вспомнив о нем, она невольно улыбнулась. Да, ей не везло с мужиками, но и тем от нее доставалось. Хорошо еще, что попадались ей мужчины хоть и непутевые, но понимающие, с юмором. Они не грузили ее лишними заботами. Так было, пока в ее жизни не появился Леснов.

Карина настолько задумалась, что едва не проехала свою остановку. Автобус был уже почти пуст. Давно сошли бабы, горячо обсуждавшие ночное убийство. За окном тянулись серые кварталы нового микрорайона. Жилистые, с вялой листвой деревья отбрасывали на асфальт бледные тени.

Спохватившись в последний момент, Карина успела спрыгнуть с подножки, и двери автобуса тут же захлопнулись. Карина направилась в промежуток между двумя ближайшими пятиэтажками, там, в глубине двора, стоял и ее дом, где в стандартной двухкомнатной квартире жила она с матерью и младшей сестрой.

Карина ни разу не приглашала сюда Виктора, да и сам он сюда не стремился, может быть, потому, что знал о болезни матери, а может быть, это вовсе не входило в его планы, он был очень сдержанным человеком и своих мотиваций не растолковывал. Встречались они обычно у него дома; продав квартиру в Подмосковье, Леснов сумел неплохо обустроиться в Плужске. У него была здесь приличная однокомнатная квартира в центре города, со вкусом обставленная. Содержал он ее в идеальном порядке, что вообще-то было удивительно для холостяка, но вполне в духе Леснова, он-то беспорядка не терпел.

Лед в их отношениях тронулся вместе со льдом на реке – ранней весной. Леснову исполнилось тридцать лет, и, хотя он никак этого не афишировал, в отделении скинулись и препод-

несли ему подарок – фирменную электробритву, кажется. Так повелось у них с незапамятных времен – отмечать дни рождения отделением. Обычно все происходило на месте, те, кто в этот день работал, преподносили подарок, а юбиляр бежал в ларек за водкой, и под конец рабочего дня подарок на скорую руку обмывался, весело и без затей.

Однако Леснов и тут повел себя по-своему. Получив подарок, он немного растерялся, но потом рассыпался в благодарностях и пригласил всех к себе в гости, пообещав накрыть вечером роскошный стол.

Нельзя сказать, что эта затея удалась. Леснов еще не стал настолько своим, чтобы к нему домой любой мог зайти запросто. У них вообще почему-то не было принято ходить друг к другу в гости. Тем более постеснялись идти к Леснову.

Пришли только Можаяев, который не мог пропустить такой случай, молодой хирург Слава Галямин, работавший в отделении еще меньше Леснова, разбитная медсестричка Вера с неустроенной личной жизнью, ну и, конечно, Карина. Она просто не могла не воспользоваться случаем. Она пришла бы к Леснову даже в одиночку. Ей было достаточно формального повода, ведь она не навязывалась, ее пригласили.

Леснов принял гостей радушно и с блеском. Было все – цветы, хороший коньяк, изысканная закуска. Нельзя было понять – на самом деле хозяин рад гостям или просто выдерживает марку, но это, кажется, никого, кроме Карины, не заинтересовало.

Очень быстро все набрались, и Можаяев принялся превозносить душевные и профессиональные качества юбиляра. Он договорился до того, что Леснов вошел у него в первую десятку хирургов мира, и Можаяев заверил, что лет через пять «Витя получит Нобелевскую премию».

Леснов слушал эту чепуху с вежливой улыбкой и помалкивал. Как обычно, он пил очень мало. Зато Славу Галямина развезло, он начисто забыл, куда и зачем пришел, и с редким упорством пытался запустить руку Вере в декольте. Это привело к тому, что они с Верой первыми покинули торжество, прощаясь, они уже вели себя как супруги в период медового месяца. Потом отчалил Можаяев, он удивительно тонко чувствовал момент, когда опьянение грозит вот-вот перейти в полную обездвиженность, и всегда предупреждал этот момент, стараясь добраться до дома.

– Пойми, – объяснял он собутыльнику, – я ничего не теряю. У меня дома всегда есть. Я приду к себе, добавлю – и в коме. А на людях зачем? Некрасиво...

И тогда Карина впервые осталась с Лесновым наедине. Осталась, хотя ее сердце стучало как бешеное, а на лице Леснова она боялась увидеть недоуменное или, того хуже, презрительное выражение.

Но он оказался на высоте – держался естественно и мило, так, словно весь этот вечер с самого начала задумывался для двоих. Он включил музыку и предложил Карине потанцевать. В окнах уже темнела ночь, затихал городской шум, но Леснов не спросил Карину, как она думает добираться до дому. И, двигаясь в медленном танце, чувствуя прикосновение изящных, но сильных рук Виктора, Карина поняла, что останется здесь до утра.

Так и вышло. Потом это стало повторяться все чаще и чаще, и Карина наконец поверила, что нашла свое счастье. Виктор был заботлив и нежен. Страстных клятв не произносил, но цветы дарил постоянно. В постели же у них была полная гармония – ночи отнимали у них все силы без остатка, и Карина решила, что теперь Виктор уже точно принадлежит ей. Она летала как на крыльях.

Первый ушат холодной воды обрушила на нее та самая Вера. Как-то в минуту откровенности она сказала, цинично усмехаясь:

– Зря радуешься, подруга! Думаешь, подцепила мужика? Как бы не так! Я этих тварей в штанах вижу насквозь! Он сейчас с тобой трахается, потому что его физиология этого требует, а ты самый подходящий вариант – сама подставляешь. А женится он не на тебе, а на чьей-

нибудь дочке, помяни мое слово! Вот оперится маленько, обтешется... Не видишь, что ли, он только и думает, как бы ему наверх забраться – что, неправда? Да ты в глаза его посмотри!

Карина каждый день смотрела в эти глаза, но никаких гнусностей в них не видела. Серьезные и красивые были глаза. А насчет того, что Виктор хочет наверх пробиться... Что ж в этом плохого? Нормальное честолюбие. Он этого заслуживает.

Стоит только поглядеть на него во время операции – как безошибочно и искусно действуют его руки, как верно он оценивает ситуацию, какими зоркими делаются эти самые глаза... А как он наблюдает послеоперационных больных? Как по десять раз на дню подходит к каждому, как учитывает любую мелочь, как не прощает малейшего разгильдяйства персонала! В таких случаях говорят – врач от бога.

И все-таки какой-то червячок сомнений точил душу Карины. Слова этой нахалки Веры сделали свое дело. Нет, пожалуй, как раз их Карина постаралась начисто выбросить из памяти. Сомнения пришли позже.

С некоторых пор встречи их вдруг стали реже – Виктор ссылаясь на занятость, на то, что он собирается защищать кандидатскую. Карина могла это понять, но ее покорило другое: признаваясь в том, что у него не хватает на нее времени, Виктор говорил об этом без сожаления.

А когда она, решившись пойти ва-банк, завела речь о браке, Леснов спокойно и решительно возразил:

– Это слишком серьезный вопрос. Пока я не чувствую себя готовым решать его. Давай вернемся к нему позже. По крайней мере, когда я стану заведующим отделением.

Это было так неожиданно, что Карина только захлопала глазами. Более того, она восприняла это как дурную шутку. В отделении был заведующий, и Карина не слышала, чтобы его кто-то собирался менять. Но красивые глаза Леснова сказали ей, что он абсолютно серьезен. Серьезен, как во время ответственной операции.

Ей не оставалось ничего другого, как смириться. Тащить мужчину в ЗАГС обманом или со скандалом она не собиралась. И потом, ведь он не сказал ей решительно «нет».

На всякий случай она осторожно попыталась выведать у коллег, не доходили ли до них какие-то слухи о перестановках в отделении. Но, как она и думала, ничего подобного не было. Опять эта тема всплыла лишь сегодня ночью, когда Виктор высказался о Можееве нелюбезно, резко и, пожалуй, подло. О слабости Игоря Анатольевича знали, но предпочитали закрывать глаза, ведь он не перешагнул ту грань, за которой начинается профнепригодность. А специалист он был знающий, с большим опытом. Виктор поступил некрасиво и, похоже, сделал это не сгоряча, не с досады, а с ясно осознанным расчетом. А это было еще хуже.

Вспомнив об этом, Карина ощутила в груди какую-то сосущую тягостную боль, точно она сама совершила что-то непоправимое и стыдное. Конечно, она сразу же нашла для Виктора оправдание – он был слишком взвинчен, этот тяжелый случай вывел его из себя, но в глубине души Карина понимала, что это не так. На самом деле Виктор, как выразилась тогда Вера, уже оперился и пошел в наступление. Он действительно собирался занять место Можеева.

Наверное, это было жутким эгоизмом, но такая мысль нисколько не отвращала Карину от Виктора, наоборот, какой-то тайный внутренний голос убеждал ее, что все будет хорошо, и чем скорее Виктор сделает первый шаг по карьерной лестнице, тем скорее они поженятся. Однако звучал и другой голос, не такой громкий, но ужасно настойчивый, который Карина безуспешно пыталась игнорировать, он шептал, что истина заключается не в словах Виктора, а в ехидных замечаниях Веры, и человек, способный переступить через товарища, так же хладнокровно переступит и через нее. Душа Карины не знала отдыха, постоянно мечась между надеждой и отчаянием. «Один внутренний голос – интуиция, а два – уже шизофрения», – как-то сказала она собственному отражению в зеркале, и двойник лишь криво усмехнулся в ответ.

Домой она заявила на этот раз вся мокрая, измученная и до невозможности раздраженная. А тут еще, пока она копалась ключом в замке, в прихожую, не утерпев, выскочила сестра Наташка, безмозглое девятнадцатилетнее существо с хорошеньким личиком, изуродованным дурацким макияжем, с торчащими острыми сосками под белой майкой в обтяжку. Вдобавок сейчас глаза ее просто горели от злости.

– Сколько можно тебя ждать?! – зашипела она, едва Карина переступила порог. – Я уже на стенку лезу. Ей опять хуже, – она кивнула в сторону спальни. – До туалета дойти не может, я ее на себе весь день таскаю! А у меня, между прочим, тоже личная жизнь!

– Заткнись, дура! – мрачно сказала Карина. – Я работаю.

– Толку от твоей работы! – с ненавистью пропищала Наташа. – Кому нужна твоя грошовая работа! Лучше бы в проститутки пошла, у тебя для этого все данные!

Карина врезала ей, не размахиваясь, почти по-мужски. Наташка ахнула, замерла, схватившись за щеку, и глаза ее сделались большими, как тарелки. Она вдруг зарыдала в голос и стремительно скрылась в ванной комнате.

– Так тебе и надо, уродка! – устало сказала Карина. – Что заработала, то и получила.

В ответ из ванной донесся истерический плач и шум воды. Карина швырнула на тумбочку сумку и вошла в спальню.

Мать, сидевшая в кресле-каталке, увидев ее, невольно подалась вперед, и лицо, на которое болезнь наложила свой неизгладимый отпечаток, просветлело. Протягивая ходящие ходячим руками, мать попыталась что-то сказать, но с ее губ срывались невнятные вибрирующие звуки, никак не желающие складываться в слова. Но Карина поняла, что она говорит: «Здравствуй, дочка!»

– Здравствуй, мама! – ласково сказала она, обнимая ладонями седую дрожащую голову. «Значит, опять началось», – с тоской подумала она.

Рассеянный склероз – таков был безжалостный диагноз врачей. Болезнь обрушилась на мать внезапно, среди, казалось, полного благополучия. В нее было невозможно поверить, Карине все думалось, что произошла какая-то ошибка. Но за какой-то год мать, красивая и сильная женщина, превратилась почти в развалину.

Иногда болезнь отступала, словно дразнила, мать начинала самостоятельно двигаться, довольно уверенно разговаривать, веселела на глазах, но потом все возвращалось. Карина с отчаянием понимала, что чуда не будет и, что бы она ни делала, матери это не поможет. А она очень ее любила. «Теперь опять возникнут проблемы, – подумала Карина. – Ей нужен уход, а какой уход от этой вертихвостки Натальи?» Да она и сама хороша – готова каждую свободную минуту бежать туда, куда влечет ее женский инстинкт, хотя временами ей становится за это невыносимо стыдно.

Кстати, придется, наверное, отказаться от подработки, чтобы больше времени проводить с матерью. Но где тогда брать деньги? Их и так хронически не хватает. Может быть, и правда прислушаться к Наташкиному совету, говорят, проститутки гребут деньги лопатой. Карина невесело усмехнулась.

Мать что-то залопотала, стараясь заглянуть ей в глаза, с натугой соединяла непослушные слогги. Карина вслушалась и сумела разобрать.

– Мешаю я вам жить, дочка? – с горестным сожалением спрашивала мать. – Ты уж прости. Видишь, как получилось?..

– Ну и что это ты опять придумала? – негромко сказала Карина. – Все в порядке. Сейчас суп разогрею, обедать с тобой будем. И все будет хорошо.

Глава 3

Дынин остановился посреди залитого солнцем больничного двора и, прищурясь, внимательно посмотрел кругом. Сквозь густую листву старых раскидистых деревьев сверкала строгая белизна лечебных корпусов. На площадке перед главным входом стояло десятка полтора машин. По асфальтовым дорожкам с озабоченным видом проходили люди в белых халатах. В тени деревьев на лавочках сидели больные с равнодушными бледными лицами.

Дынин подумал и лениво двинулся туда, где стояли машины. Подойдя поближе, он увидел знакомый номер и удовлетворенно усмехнулся. Похоже, младший Шапошников тоже здесь, и это ему на руку.

Дынин опять остановился и полез в карман за сигаретой. Горячее солнце расслабляло его и настраивало на благодушный лад. Хотя неприятностей у Дынина хватало. А он больше всего на свете любил покой.

В идеале он вообще бы осел где-нибудь на пустынном сказочном берегу, где пальмы и песок. Жрал бы одни бананы и пиялился бы день-деньской на океан. Дынин очень любил солнце, простор и не страдал от одиночества.

Правда, океан он видел лишь на картинках, а вкус одиночества попробовал впервые только четыре месяца назад, когда от него ушла жена, прихватив с собой двенадцатилетнюю дочку. Так она выразила свой протест. Она считала, что с Дыниным ее жизнь не удалась. Она так и сказала на суде, когда они разводились. Судья, тоже женщина, заметно ей сочувствовала.

Дынин давно привык к этим жалобам и оставался невозмутимым даже на суде. В своей жизни он перевидал тысячи людей, стоявших на самых разных ступенях общественной лестницы, и ни один из них не мог сказать, что его жизнь удалась. Это была общая беда, но если женщина что-то вбила себе в голову, переубедить ее бесполезно.

Он и не пытался. Совершенно равнодушно отнесся он и к размену квартиры, вполне удовлетворившись доставшейся ему комнаткой в зачуханной коммуналке.

Ему было все равно, где спать. По-настоящему его тяготила только разлука с дочерью, которую он очень любил, хотя жена утверждала обратное. Но тут она просто лукавила, дочь тоже любила Дынина. Даже сейчас она оживлялась, когда по выходным Дынин приходил ее навещать, охотно бродила с ним по улицам, сообщала все школьные сплетни и слушала его выдумки о погонях и перестрелках, о кровожадных бандитах и негибаемых сыщиках. Одно плохо – дочь потихоньку начинала взрослеть, а значит, постепенно превращаться в женщину. «А когда она ею станет, – размышлял Дынин, – она тоже начнет искать удачу в этой жизни, и ты ей уже будешь не нужен, потому что она увидит в тебе человека, который поломал судьбу ее матери, и в этом качестве ты для нее и останешься до самой своей смерти. И с чистой совестью сможешь признаться, что твоя жизнь тоже не удалась».

Дынин осознавал эту неизбежность с грустью, но без раскаянья. Так сложилось, и тут уж ничего не поделаешь. Он не был религиозен, но соглашался с мыслью, что жизнь – это просто испытание, ниспосланное свыше, и все, что тебе предназначено, придется расхлебывать до дна. Главное, не терять головы.

Своими размышлениями Дынин ни с кем не делился, и мало кто догадывался, глядя на его почти двухметровую мускулистую фигуру, на суровое, грубо вырубленное лицо с тяжелым подбородком, на маленькие глаза, в которых не угасал мрачно-иронический огонек, что имеет дело с философом и лентяем. На службе его считали упертым и надежным работником, человеком действия. Его побаивались – о физической силе Дынина ходили легенды.

Однажды, например, они брали маньяка, убившего шесть женщин в лесополосе за городом. Брали его на квартире. Маньяк оказался мужиком не из слабых, килограммов под девяносто весом. Встретил он их с топором в руках, с налитыми кровью глазами.

Дынин свалил его с одного удара. Маньяк влетел в собственный платяной шкаф, проломив обе полированные дверцы, повредив позвоночник и получив ушиб мозга, от которого впал в кому на несколько дней.

Никто за это Дынина не похвалил – маньяк наделал в городе много шума, и общественность требовала открытого суда. Никто не верил, что этот мерзавец может отделаться одним-единственным ударом по морде. Но дело именно к тому и шло. Начальство пригрозило, что переведет Дынина в регулировщики, если маньяк не встанет на ноги.

Именно тогда Дынин впервые посетил эту больницу, его жертва лежала в реанимации с отеком мозга, и врачи давали самый неутешительный прогноз. Правда, вскоре этот тип все-таки очнулся, и потом удивительно быстро пошел на поправку, и в результате предстал перед судом, где ему дали «вышку». Дынин присутствовал на суде, и маньяк это заметил. Под пристальным ироническим взглядом Дынина он начал заметно нервничать и, кажется, выслушал приговор с облегчением.

Как ни странно, Дынин свою работу любил. Не то чтобы любил, но получал от нее удовольствие. Он изымал из общества заразу, которая нарушала покой, и это было главным.

А корни его жизненного выбора уходили, наверное, в детство. Дынин рос хлипким, болезненным пацаном, и ему здорово доставалось от отца – драчуна и забулдыги. Чем тот занимался, Дынин так и не узнал. Мать, которая тоже натерпелась порядочно, никогда об этом не говорила. Дынин подозревал, что папаша его каким-то боком был причастен к преступному миру, но специально выяснять это никогда не старался. Он слишком ненавидел этого человека.

В детстве у него была единственная мечта – вырасти, раздаться в плечах, сделаться таким же громадным и злобным, как отец, и тогда уж расквитаться с ним сполна. Увы, как всякая детская мечта, эта тоже осталась только мечтой. Дынин начал стремительно расти и набирать вес только после шестнадцати, а к тому времени папаша уже перебрался в мир иной, погибнув в какой-то пьяной драке, где ему перерезали горло, подкравшись сзади.

Дынин помнит, что, узнав об этом, он испытал сильное разочарование. Но, видно, что-то засело в его мозгу, потому что, немного поскитавшись по свету, отслужив два года в кремлевском полку, он вернулся в родной город и пошел в милиционеры. Папаше он ничего уже не мог доказать, зато уж папашиним друзьям или тем, кто вполне могли таковыми стать, Дынин покоя не давал. К тому времени, когда он стал опером, его знали, наверное, все уголовники в городе и предпочитали не связываться, даже когда он загонял кого-нибудь в угол. Проще было отсидеть.

Дынин долго думал, что все у него в порядке, пока не ушла жена. Тогда он впервые подумал, что, в принципе, никому нет дела до его усилий и, может быть, никого и не интересует покой и мирная жизнь. Что-то менялось – и не в лучшую сторону. Люди словно с цепи сорвались. Все делали деньги, деньги, деньги, жертвуя при этом чем угодно. Закон становился просто мифом. Убийство превратилось в обычное ремесло. Каждую неделю Дынин кого-то арестовывал, кого-то догонял, но все это напоминало попытки ложкой вычерпать море. На место одного преступника приходило десять новых. Многие из коллег Дынина давно опустили руки и постарались поудобнее пристроиться к новому миру, где правили деньги. Дынин был равнодушен к деньгам.

Однако оптимизма у него становилось все меньше, особенно когда он не мог понять, на чьей он стороне. Взять хотя бы последнее дело. Оно не вызывало у Дынина особенного энтузиазма, на Шапошникова, пострадавшего от рук каких-то отмороzków, ему было совершенно наплевать. У него имелись очень большие сомнения по поводу того, каким способом этот уважаемый ныне человек сколотил свои капиталы. Он не верил, когда в газетах писали, будто вчерашние махинаторы и бандиты могут остепениться и направить свои усилия на пользу Отечества. Скорее уж они Отечество перекроют так, чтобы оно приносило им пользу. И то, что

появляются преступники пострашнее Шапошникова, не признающие никаких правил, закономерное явление. Зло плодит зло.

Но философия тут была бессильна. Факт убийства был налицо, и убийцы должны быть наказаны – выбора не было. Дынин понимал это, может быть, лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому сегодня он и был здесь, хотя никакого желания напрягаться в такой безоблачный теплый денек не испытывал.

Дымя сигаретой, Дынин неспешно двинулся ко входу в главный корпус. «Пожалуй, стоило погладить сегодня брюки», – подумал он. Последнее время он совсем махнул на себя рукой. И курить он стал безобразно много, хотя врачи говорят, что это ужасно вредно, теперь даже на пачках стали писать.

Может быть, действительно вредно? Недаром стало иногда пощипывать сердце, будто кто-то в груди орудовал острой настырной иглой, и в животе по ночам вдруг начинало печь. Становилось так жарко, что Дынин просыпался, утирал выступивший на лбу пот и шел курить, надеясь, что боль утихнет. Иной раз помогало, когда перехватывал чего-нибудь – молока или чая с хлебом. Но в этом отношении Дынин был нерадив, и его холодильник слишком часто оставался пустым. Вообще после развода он питался как попало, может, в этом и заключалась причина его хворей?

Дынин швырнул сигарету в урну и поднялся на крыльцо больницы. Тихие люди в полосатых пижамах, стоявшие у дверей, почтительно уступили ему дорогу, провожая его громадную фигуру уважительно-боязливыми взглядами. Наверное, они испытывали острую зависть к Дынину, который казался им воплощением здоровья и мощи. Может быть, если бы они узнали о его ночных мучениях, им было бы легче. Но Дынин пока ни с кем не делился такими подробностями. «Может, стоит посоветоваться с кем-нибудь, раз уж я здесь, – подумал Дынин, – только, говорят, к врачам сейчас тоже просто не подъедешь». Они тоже теперь делают деньги разными способами, Дынин кое о чем был наслышан.

Но это как раз его не касается, он здесь совсем по другому делу. Начхать ему на липовые больничные и взятки, которые в больнице скромно именуются благодарностью. Все это детский лепет, что бы там ни говорили. А он ищет убийц – страшных ребят, которые не колеблясь могут снести вам полголовы зарядом картечи только за то, что вы не вовремя появитесь на их пути.

Именно такая участь постигла любовницу этого Шапошникова, от головы у нее остался лишь кровавый бесформенный обрубок. Судя по фотографии, исключительной красоты была баба. Но, похоже, те подонки не такие уж большие поклонники женской красоты. Хотя что ими двигало в этот раз, Дынин пока сказать точно не мог.

Телохранителю Шапошникова повезло больше, если можно назвать везеньем пяток пуль от «стечкина», равномерно продырявивших грудную клетку. По крайней мере, мучился он недолго. Зато стрельба, которую первым открыл именно этот парень, похоже, сбила бандитов с толку и нарушила их планы.

Экспертиза выяснила, что ни одна из пуль, выпущенных телохранителем, не попала в цель, но Шапошников был уже готов встретить нападавших, тем более что, как оказалось, он в эту ночь не ложился. Он даже сумел подстрелить кого-то, судя по рассказам свидетелей.

Правда, свою порцию он все-таки получил, но бандиты не стали проверять, жив он или помер. Наскоро сделав свое дело, они отчалили. Само собой, никаких отпечатков, никаких окурков со следами зубов. Растворились в ночи. По свежим следам их особенно никто и не искал.

Это к утру все стояли на ушах. Еще бы, такое циничное преступление! И кто пострадал – банкир, депутат! К тому же у него остался брат, тоже еще тот фрукт. Теперь все ищут этих подонков – прокуратура, милиция, собственная служба безопасности «Триггер-банка». Он, Дынин, тоже ищет, хотя на Шапошникова ему плевать. Девчонка – другое дело, красивая была девчонка, такую жалко, даже если ты прежде ее и в глаза не видел. Пожалуй, Дынин

им не простит этой малышки. Он чувствовал, что найти этих ребят будет непросто. Но уж он постарается.

И, между прочим, в городе уже было два случая таких же кровавых нападений. И там тоже применялась картечь. Кажется, эти дела повисли. Следствие зашло в тупик. А в милиции были уверены, что в обоих случаях действовали заезжие гастролеры. Но Дынин сильно в этом сомневался. По его мнению, это были свои. Они жили где-то рядом, по соседству, а в свободное время совершали хорошо продуманные и выполняемые с особым цинизмом преступления.

В первом случае на московской трассе подстрелили частного предпринимателя, отправившегося в столицу за товаром на собственном фургончике. Ему тоже выпалили в лицо картечью, и жена опознавала его по родинкам на теле. Вез он с собой приличную сумму в долларах, каковой при нем, конечно, не обнаружили.

А месяца два спустя было шумевшее нападение на обменный пункт валюты. И опять все служащие были убиты, между прочим, охранник и хозяин получили по заряду картечи в сердце. Бандиты прикончили еще трех девчонок, которые там работали, и какого-то бедолагу, на свою беду заскочившего разменять сотню.

Дело было под вечер, на улицах шло полно народу, но все так обалдели, что преступники, взяв кассу, беспрепятственно скрылись. Тогда никто не смог даже толком сказать, сколько их было.

Дынин мог припомнить еще пару случаев, когда преступления совершались с той же расчетливой, но абсолютно неуправляемой жестокостью. Правда, за теми случаями не просматривалось корыстных мотивов, но Дынин был уверен, что с некоторых пор в городе действует какая-то организованная и крайне опасная группа. Пока они только разворачивают свою деятельность, но неизбежно скоро войдут во вкус, и тогда многим не поздоровится.

Ни хозяева обменного пункта, ни тем более такой гигант, как Шапошников, не были беззащитными. Чтобы поднять на них руку, преступники должны были обладать беспримерной наглостью и, если хотите, исключительным мужеством. Если волк начинает нападать на других волков – это наверняка бешеный волк.

Обо всем этом Дынин размышлял уже давно. Но со своими размышлениями никуда не лез. Все эти потенциальные дружки покойного папаши были его личным делом. Своими личными делами Дынин предпочитал ни с кем не делиться.

Он вошел в просторный вестибюль больницы. Мраморный пол был чисто вымыт. Вдоль высоких окон зеленели какие-то растения в кадках. Пустые вешалки в раздевалке сиротливо топорщились никому не нужными сейчас крючками. За облезлой конторкой сидела толстая грудастая вахтерша с тусклыми глазами. На ней был белый халат, от частых стирок приобретший несмываемый грязновато-желтый оттенок.

– Вы куда, мужчина? – встрепелась она, нацеливаясь мутным неуступчивым взглядом на Дынина. – К больным сейчас нельзя, после трех приходите.

– Мне можно, – уверенно заявил Дынин, неторопливо запуская руку во внутренний карман.

Вахтерша пялилась на него с нескрываемой подозрительностью, предполагая, видимо, что за пазухой у этого громалы вполне может оказаться бомба. Дынин давно обратил внимание, что в учреждениях везде понасажали таких же старушек, чтобы они перехватывали у порога возможных террористов. Дынин не мог воспринимать этого всерьез. Может быть, в этой терроробязни был какой-то смысл, все-таки до южных районов от Плужска было рукой подать, но он сам мог с ходу придумать десять способов пронести в больницу хоть атомную бомбу, и никакая вахтерша ему бы не помешала. Дынин считал все это несусветной глупостью. Ждете террористов, тормошите ФСБ, ставьте на выходе «рамку», вводите персональные пластиковые карточки. А что взять с этой старухи?

Впрочем, она не зря насчет него сомневалась – за пазухой у Дынина была хоть и не бомба, но табельный «ПМ» имелся. Однако достал он не его, пистолетом он вообще не любил пользоваться, в огромном кулаке Дынина пистолет выглядел как-то глупо. Достал он удостоверение и сунул его под нос вахтерше.

– Оперуполномоченный из отдела по расследованию особо тяжких, – терпеливо пояснил он. – Теперь-то я могу пройти?

– Наверное, – немного поколебавшись, сказала старуха.

Дынин вошел в белизну больничного коридора. Здесь его мрачная фигура в помятом костюме смотрелась совсем уж нелепо, особенно когда он начал оглядываться, не зная, куда идти.

Кстати, совсем рядом виднелось окошечко, над которым было написано «Справочная», но оно было закрыто изнутри листом белой фанеры. Дынин задумчиво почесал нос. Вот об этом он не подумал – заранее выяснить, где находится палата Шапошникова. Рассчитывал, что уж с информацией в больнице все отлажено. Но все оказалось как всегда.

Дынин очутился как бы на перекрестке – коридор уходил налево, коридор уходил направо, да вдобавок какая-то лестница вела наверх, и, как назло, поблизости ни одного человека. Дынин хотел уже двинуться наугад, как вдруг внимание его привлекла фигура толстенького лысоватого бодряка в накрахмаленном белом халате, неторопливо спускающегося по лестнице.

Его круглое розовое лицо показалось Дынину знакомым. Он уже видел его, только тогда это лицо было чуть моложе, а лысина чуть поменьше. Но никаких сомнений – они уже встречались.

Дынин заметил, что толстячок тоже пристально поглядывает в его сторону, и наконец вспомнил – ну, конечно же, это невропатолог Картавин! Тот самый, что долечивал дынинского маньяка, ставил его на ноги. Дынин не был до конца уверен, что правильно запомнил имя врача, но все-таки окликнул:

– Владимир Владимирович!

Толстячок с готовностью улыбнулся и, сойдя с последней ступеньки, тут же устремился к Дынину. Он подкатился к нему как шарик и радушно протянул пухлую ухоженную ладонь. Глаза его излучали приязнь и внимание, но смотрели несколько виновато.

– Простите, – деликатно произнес Картавин, обмениваясь с Дыниным рукопожатием. – Никак не припомню... Ведь мы с вами знакомы?

– Ну как же, – добродушно заметил Дынин. – Помните, лет пятнадцать назад...

– Стоп! – радостно воскликнул толстячок, опять пожимая Дынину руку. – Ну, конечно! Вы из милиции? Пойдите, кажется... Дынин? – Он с тревогой посмотрел оперу в глаза, смешно задрал голову.

– Совершенно верно, – кивнул Дынин.

– Сколько лет, сколько зим! – сентиментально провозгласил невропатолог. – А вы опять, значит, к нам? – Он сдержанно рассмеялся. – Опять маньяк? Или, – мгновенно делаясь серьезным, участливо добавил он, – со здоровьем плохо? Не дай бог, конечно!

Дынин почесал в затылке.

– Ну, вообще-то скорее маньяк, – ответил он, иронически улыбаясь. – Но вы угадали, Владимир Владимирович! Здоровье что-то как будто... Не знаю! Чепуха, наверное. Просто посоветоваться хотел при случае...

– А что конкретно? – строго хмуря брови, спросил Картавин. – Какие жалобы? – Он цепко взял Дынина своей пухлой ручкой за рукав и, похоже, был не намерен его выпускать.

– Ну, не совсем жалобы, – смущенно сказал Дынин, который внезапно почувствовал себя симулянтom. – Да полная ерунда! То здесь вот колет, то здесь печет... Пот прошибает... В общем, все как у всех.

Картавин, не выпуская его рукава, деловито спросил:

– Вам сколько лет, дорогой?

– Тридцать девять, – сказал Дынин, не понимая, куда тот клонит.

– Работаете все там же? – не отставал Картавин. – В начальниках уже небось?

– Опером, как всегда, – буркнул Дынин. – Командовать – это не для меня, – он принужденно усмехнулся. – Я, как говорится, одинокий волк, доктор.

– Так-так, – неопределенно пробормотал Картавин, покачивая головой. – А я, между прочим, теперь отделением заведу. Время летит! А вам, дорогой, непременно нужно терапевту показаться, кардиологу... ЭКГ сделать... Провериться нужно обязательно! Когда здесь печет да пот прошибает – это совсем, дорогой, не чепуха! Возраст у вас нехороший... Работа – сплошные стрессы, так ведь?.. В семье как обстановка?

Дынин не ожидал этого вопроса и слегка растерялся, что бывало с ним не часто. Но больше всего его смутило, что Картавин назвал его возраст нехорошим. Это было непонятно, а потому пугало. До сих пор Дынину нравился его возраст – голова работала, руки-ноги двигались, да и вообще – будь хоть чуточку побольше покоя...

– В семье... В семье все нормально, – сказал он, отводя взгляд.

– Ну, это хорошо, когда в семье нормально, – недоверчиво произнес Картавин. – А обследоваться все равно надо! Чтобы потом локти не кусать. Сейчас, посмотрите, мужики мрут как мухи! Ему сорок лет, а он уже сгорел от инфаркта! У вас, кстати, со спиртными напитками как? Не злоупотребляете?

Дынин усмехнулся и сказал:

– Не так чтобы часто, но если уж дорвусь, то скорее всего злоупотребляю... А что, это плохо?

– Безусловно! – не принял его шутливого тона Картавин. – Так что вы подумайте насчет обследования...

Дынин махнул рукой.

– Да я вообще-то по делу здесь. Я так спросил... И потом, к врачам вашим не пробьешься ведь! Говорят, без взятки сейчас и не подходи? – Глаза его весело сверкнули.

Невропатолог осуждающе затряс головой.

– Что вы такое говорите! – возмущенно воскликнул он. – Взятки! Надо же!.. Знаете, что сделаем? Вы разбирайтесь тут с делами, а потом заходите ко мне прямо в отделение, я вас отведу в нашу поликлинику к Анне Дементьевне. Замечательный терапевт! Она вас без очереди осмотрит. Договорились?

Дынин пожал могучими плечами, теперь, когда свидание с врачами становилось почти реальностью, ему уже не хотелось обследоваться. Он вдруг понял, что абсолютно не чувствует себя больным. Чтобы не разочаровывать участливого доктора, он сказал:

– Зайду, пожалуй! Ваше отделение на прежнем месте осталось? Не уехало никуда?

– Все там же, – серьезно ответил Картавин. – На втором этаже. Скажете, в случае чего, что у нас с вами договоренность, вас пропустят.

– Кстати, Владимир Владимирович! – вспомнил Дынин. – Мне экстренная хирургия нужна! Это куда?

– Так вы по поводу этого... Шапошникова? – почтительно понижая голос, сказал Картавин. – Понимаю! Это вам сюда – по лестнице на третий этаж. Там спросите у сестричек, где Можжев Игорь Анатольевич. Это заведделением, хороший мужик! Если он сейчас не на операции, он все вам расскажет, что и как... А потом непременно заходите!

Дынин с благодарностью пожал ему руку и еще раз пообещал, что зайдет. Потом он отвернулся и неспешно зашагал к лестнице, откуда недавно спустился Картавин. Невропатолог с некоторым изумлением проводил взглядом его необъятных размеров спину, а затем, покачив головой, устремился по своим делам.

Дынин поднялся на третий этаж, по пути с любопытством разглядывая хорошеньких медсестер, которые то и дело сновали по лестнице, и наконец оказался на площадке между двумя отделениями. С обеих сторон располагались высокие двери, почти сплошь состоящие из непрозрачного, покрытого пупырышками стекла. Дынин направился к тем, над которыми вырезанные из пенопласта буквы складывались в слова «Отделение экстренной хирургии».

Дынин осторожно открыл дверь и остановился на пороге, не решаясь проникнуть в это царство чистоты и стерильности. Здесь как-то по-особенному пахло – резко и совершенно по-медицински. Стены сверкали белизной, и пол, выложенный дешевым паркетом, тоже сверкал, точно его натерли перед самым приходом Дынина. В коридоре было на удивление немногочисленно. Дынин рассмотрел лишь две стройные фигурки в белых халатах в отдалении да еще одну чрезвычайно строгую девушку, сидящую за столом и что-то отмечающую в пухлых тетрадках, горкой возвышающихся возле ее острого локотка. На носу у нее сидели очки в тонкой позолоченной оправе.

Дынин с сомнением посмотрел на свои огромные запыленные башмаки и предупредительно кашлянул. На медсестру это не произвело никакого впечатления, она даже не повернула головы. Тогда Дынин решил не стесняться и сам направился к ней, стараясь ступать как можно тише и мягче.

Это ему вполне удалось, потому что, когда его громоздкая фигура внезапно выросла перед очкастенькой, та вздрогнула, будто увидела привидение. Дынин приветливо улыбнулся и мирно сказал:

– Простите, если нарушил какие-то правила, но мне срочно нужно повидать доктора Можаяева... Это возможно?

Девушка сердито посмотрела на него, дернула плечиком и сухо объяснила:

– Посмотрите в его кабинете – третья дверь налево, или в ординаторской – вторая дверь налево, он там должен быть.

– От чего, простите, налево? – попытался уточнить Дынин.

Девушка страдальчески сморщила лоб, досадуя на несообразительного посетителя, и вдруг, запнувшись, добавила виновато:

– Ах да! Я забыла, он же сейчас на операции! Вам придется подождать.

– А если у меня не получается подождать? – осведомился Дынин. – Вообще-то меня интересует больной Шапошников, понимаете? Кто-нибудь может меня к нему проводить?

– Вы родственник, что ли? – со вздохом сказала девушка. – Ну, все равно подождите. У Шапошникова кто-то уже есть... А потом, кажется, у нас нет для вас халата, а без халата в отделении нельзя.

– Ну, наверное, этот вопрос можно все-таки решить? – начиная злиться, сказал Дынин. – У меня ведь тоже нет халата, как видите. А я, между прочим, не родственник, а лицо официальное...

– Что тут происходит, Лариса? – вдруг раздался за спиной Дынина холодный женский голос. – Почему здесь посторонние?

Девочка, которую, оказывается, звали Ларисой, густо покраснела и привстала со стула. Дынин круто обернулся и увидел затянутую в безупречно белый халат немолодую сухоощавую женщину с пронзительно-строгим взглядом. Опустив руки в карманы халата, она сверлила этим взглядом то медсестру, то Дынина поочередно.

– Я ему как раз говорила, Надежда Николаевна, – упавшим голосом сообщила Лариса, – что без халата нельзя...

Дынин поспешил прийти ей на помощь.

– Кажется, вы тут за начальство? – доброжелательно проговорил он. – Очень кстати. Девушка не виновата, Надежда Николаевна. Я сам вторгся без спроса. Будем знакомы, оперуполномоченный Дынин. Я к вам по делам службы, нужно допросить Шапошникова...

Взгляд Надежды Николаевны не сделался теплее. По-прежнему не вынимая рук из карманов, она осуждающе произнесла:

– Допросить Шапошникова? Вы с ума сошли? Шапошников в очень тяжелом состоянии. Мы вообще к нему никого не пускаем.

– А вот Лариса мне сказала, – улыбнулся Дынин, – что как раз сейчас у него кто-то есть... Я даже догадываюсь кто. Его братец, верно?

Надежда Николаевна сжала тонкие губы:

– Ну так что ж! Брат есть брат. И потом, это лечащий доктор решает. Без его разрешения...

– Так давайте попросим у него разрешения! – предложил Дынин.

– Ну что ж, ждите! – сказала Надежда Николаевна. – Лечащий доктор сейчас тоже у Шапошникова.

– Вот и отлично! – подхватил Дынин. – Почему бы нам тоже туда не пойти?

– Потому что без разрешения доктора я не могу этого сделать! – отрезала Надежда Николаевна. – Вы взрослый человек, государственный служащий, должны понимать!

– Ладно, где я могу подождать? – сдался Дынин. – И второй вопрос: как зовут лечащего врача?

– Врача зовут Виктор Николаевич Леснов, – сообщила Надежда Николаевна. – А подождать вы можете вот здесь на диванчике... В виде исключения, – добавила она. – Только я категорически прошу вас никуда отсюда не отлучаться!

– Я не буду отлучаться, – заверил Дынин.

Он направился туда, куда указала Надежда Николаевна, и уселся на жесткий диван под колючими бледно-зелеными стрелами комнатных пальм, которые скрашивали казенную стерильную обстановку отделения. Отсюда он мог беспрепятственно наблюдать за всем, что происходит в коридоре, никому не мешая и не мозоля глаза.

Правда, он все-таки поймал на себе несколько обиженных взглядов со стороны Ларисы, но не стал придавать им особого значения. Ничего страшного он здесь пока не натворил, а если девочке нравится трепетать перед начальством – это ее проблемы. Дынин мог только гадать, кем является эта грозная Надежда Николаевна, но решил, что вряд ли она занимает пост выше старшей медсестры. Вмешиваться в чужие порядки он не собирался, поэтому попросту расслабился и, развалясь на диване, принялся ждать. В общем, ему здесь нравилось – тихо и чисто. Единственное неудобство – закурить было просто невозможно, а его рука сама уже несколько раз тянулась в карман за сигаретой. И отвлечься было нечем, ведь он дал слово никуда не отлучаться. Эпизодически мимо проносились фигуры в белых халатах, и, хотя они были по преимуществу женские, оценить их в полной мере Дынину никак не удавалось. Здесь все крутилось как белки в колесе – то ли день выдался такой, то ли сказывалась железная хватка Надежды Николаевны.

Ждать Дынину пришлось не слишком долго – минут десять. Наконец в коридоре появился тот врач, который ему был нужен. Дынин догадался об этом, потому что доктор шел в компании младшего Шапошникова и его девятнадцатилетней дочери Жанны, ухоженной и высокомерной соплячки с пухлыми капризными губами. У обоих на плечи были наброшены казенные белые халаты.

Дынин знал семейство Шапошниковых поверхностно, но для него не было тайной, как оно начинало утверждаться в этой жизни, и эти люди ему совершенно не нравились. В свое время он с удовольствием надел бы на их жадные руки железные браслеты, но вот не довелось. Они оказались умнее и живучее многих. Впрочем, к старшему брату это сейчас не относилось. Его судьба была под большим вопросом. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

Зато, похоже, рыжебородый теперь раздулся от важности за двоих. Они с братом были компаньонами, а теперь, в случае печального исхода для старшего, младший получает безраздельную власть над банком. Есть от чего заважничать.

Дынин с большим любопытством наблюдал, как Шапошников разговаривает с врачом – свысока, отрывисто, брезгливо поджимая губы и глядя строго и требовательно. Со стороны вполне можно было подумать, что главный врач делает разнос нерадивому подчиненному.

Доктор, привлекательный молодой человек, аккуратно постриженный, при галстукке, держался с достоинством, не заводился и отвечал банкиру уверенным, но уважительным тоном. На вкус Дынина, даже слишком уважительно. По-видимому, на этого парня магия богатства оказывала значительное действие.

Но больше всего Дынину не понравилось, как врач смотрел на девчонку. Он бросал на нее взгляды, слишком красноречивые для постороннего. Ему явно хотелось, чтобы красотка обратила на него внимание. Пожалуй, восхищение, которое выражали эти взгляды, было слегка наигранным, доктор видел перед собой не столько привлекательную женщину, сколько символ – принцессу, которая купается в золоте и питается бриллиантами. Во всяком случае, у Дынина сложилось именно такое впечатление.

Усилия бедного доктора, разумеется, тратились впустую, Жанна и ее папаша попросту не замечали этих взглядов или не считали нужным замечать. Девчонке вообще уже осточертела больница, и она хотела поскорее смыться из этого безобразия в свой раззолоченный мир. Ее сдерживало только присутствие отца, который все еще выяснял что-то у доктора, постепенно продвигаясь к выходу.

Когда компания миновала его диванчик, Дынин неторопливо поднялся и, заложив руки в карманы брюк, двинулся следом, прислушиваясь к негромким словам, которыми обменивались Шапошников и лечащий врач. На него никто не обратил внимания, несмотря на двухметровый рост. Для этой публики люди в дешевых костюмах автоматически зачислялись в разряд карликов, так уж чудно были устроены их органы чувств.

Доктор проводил Шапошникова до лестничной площадки. Здесь рыжебородый с отвращением сбросил с плеч халат и значительно промолвил:

– Значит, я сейчас к Закревскому... Я считаю, ему нужно пристальнее следить за тем, что происходит в отделениях... Брат должен получать все необходимое... От вас я жду только обнадеживающих новостей! Это однозначно... Неудач я не прощаю, вы знаете... – Он обернулся на капризное подергивание, которым дочь пыталась привлечь его внимание.

Жанна ткнула ему в руки свой халат. Шапошников нахмурился и тут же передал оба халата врачу. Тот взял их молча и перекинул через руку.

– Вот таким образом... – прибавил Шапошников. – Если будут какие-то проблемы, обращайтесь ко мне, телефон у вас есть. Ради брата я горы сверну. Но и вы должны выложиться сполна – это вы уже поняли...

– А насчет того дела, Валентин Григорьевич? – неожиданно сказал врач негромко, но твердо, внимательно глядя Шапошникову в глаза.

Тот уставился на него, не понимая. Потом вскинул подбородок, украшенный рыжей порослью.

– А! Понял! – воскликнул он наконец. – Запомните, Виктор! Нет таких крепостей, которых не взяли бы большевики! Вы были большевиком? Нет? А я успел... Так что все в наших руках... Главное – отдача! Понимаешь?

«Все-таки съехал на «ты», – подумал Дынин, – а я все ждал, когда же он это сделает. Интересно бы узнать, что у них за общее «то дело», но ведь наверняка не скажут».

– Па-ап! – прогнусавила красавица. – Куда ты еще?

– Я к Закревскому, – строго сказал Шапошников. – Пойдешь со мной?

– На фиг он мне нужен! – задыхнулась она от возмущения. – Пусть Сергей меня отвезет! Ты опять сейчас засядешь!..

– Я недолго, – бросил Шапошников. – Иди в машину и жди.

Крутанувшись на каблуках, дочь его вышла с крайне надменным видом. Было слышно, как ее туфли цокают на неудобных ступенях.

– У вас очаровательная дочь, – с величайшей серьезностью произнес доктор.

Шапошников пренебрежительно махнул рукой – мнение врача на этот счет его не интересовало. Зато Дынин в тоне хирурга что-то почувствовал и усмехнулся. «Прыткий парнишка, – подумал он, – в домашние врачи, что ли, целит?» Ему не хотелось упустить рыжебородого, и поэтому он вмешался в разговор, намеренно опустив все извинения и приветствия.

– Дынин! – кратко сказал он, тыча Шапошникову под нос удостоверением. – Ищу убийц любовницы вашего брата. Вообще-то хотелось бы потолковать с ним лично, но если нельзя, то можно и с вами... Не возражаете?

Взгляд, каким одарил его рыжебородый, был просто насыщен высокомерием и гневом. Он смотрел так, будто Дынин попросил его бумажник.

Опер без труда выдержал этот взгляд, на него и не так еще смотрели. Если бы он захотел, то этот надутый жлоб с одного удара пролетел бы через всю площадку, выбил двери реанимации да так там и остался. Но приходилось сдерживаться, единственное, что мог себе Дынин позволить, – это разговаривать, не вынимая рук из карманов и называя вещи своими именами.

– К Шапошникову, если вы об этом, нельзя категорически! – поспешно сказал доктор.

Дынин перехватил взгляд, который тот бросил на рыжебородого, ожидая, видимо, благодарности. Но банкир в упор смотрел на Дынина.

– Мне с вами беседовать не о чем, – ледяным тоном заявил он. – А убийц поймают без вас. Как работает у нас милиция, мы хорошо знаем... – Он демонстративно отвернулся и подал доктору кончики пальцев. – До встречи, Виктор. Помните, главное – отдача!

И, резко повернувшись, вышел на лестницу. Дынин разочарованно посмотрел ему вслед, сделал мину, словно у него заболели зубы, и обратился к хирургу:

– Послушайте, Виктор... э-э... не знаю вашего отчества... А может быть, я бы все-таки заглянул к Шапошникову? Одна минута! Это очень важно, поверьте!

Врач взглянул на него снизу вверх. С халатами, перекинутыми через локоть, он показался Дынину похожим на лакея. Кажется, он вдобавок испытывал к мощному неразвитому Дынину инстинктивную неприязнь, опер часто замечал такую неприязнь у мужчин, которых природа не оделила завидной комплекцией.

Хирург хотел что-то сказать, но не успел, потому что хлопнула дверь и из отделения хирургии вышла девушка, как показалось Дынину, красоты необыкновенной. У нее была чуть смугловатая кожа, особенно бросающаяся в глаза на фоне белизны халата, тщательно подогнанного. Кстати, даже на расстоянии Дынин почти физически ощутил гибкость этой талии, упругость груди и жар бедер. Ему и самому стало жарковато, когда он понял, что, кроме нижнего белья, под халатом ничего нет.

Наверное, он выглядел не слишком прилично, когда пялился на незнакомую девушку. Но, к счастью, она не обратила на Дынина никакого внимания. Ее глаза, темные и завораживающие, с легким восточным разрезом, неотрывно смотрели на одного доктора. Она пялилась на него примерно так же, как сам доктор минуту назад пялился на банкирскую дочку, только в ее глазах не было и капли притворства.

Дынин про себя завистливо присвистнул и подумал: нет в жизни счастья. Он дорого бы заплатил, чтобы эта смуглянка смотрела такими глазами на него, а не на этого хитрована в нарядном галстуке. Но это только так говорится. Взгляды – одна из тех вещей, что не покупаются за деньги, да и, по правде сказать, у Дынина в карманах ничего и не было, кроме мятой десятки.

Между тем девушка с недоумением улыбнулась, заметив, что врач стоит, держа в руках халаты, и без церемоний спросила:

– Ты чего это? Что это за халаты? Ты ждешь кого-то? – В голосе ее, обволакивающим и теплом, явно звучали интимные нотки.

Дынину стало неловко, и он отвернулся. За спиной у него доктор что-то пробормотал, досадливо и раздраженно. Девушка тоже понизила голос и заговорила едва слышно, но с несомненной тревогой.

«Кажется, пошло выяснение отношений, – подумал Дынин. – Однако лафа у них тут в больнице. Такие кадры – и под халатом практически ничего. Лопнуть можно от зависти. А этот докторишка, похоже, еще нос воротит».

Спор за спиной Дынина становился все жарче. Эта парочка постепенно сместилась к дверям, ведущим на лестницу, и, кажется, совершенно позабыла о присутствии постороннего.

Дынину вдруг пришла в голову дерзкая мысль. Он решительно распахнул дверь и опять вошел в отделение. Главное было не попасть сейчас на глаза Надежде Николаевне, за остальное Дынин не беспокоился.

Поравнявшись с сидевшей за столом Ларисой, он спросил, где лежит Шапошников.

– Виктор разрешил, – нахально добавил он.

Окончательно сбита с толку Лариса не стала перечить. Она встала и сама отвела Дынина в конец коридора, опасливо глядя на его невозмутимое лицо. Найдя нужную дверь, Дынин поблагодарил девушку кивком головы и, не раздумывая, вошел в палату.

Наверняка это была лучшая палата. Это было видно по внутренней отделке, по наличию телевизора и дорогой мебели. А еще здесь был небольшой предбанник, где, к неудовольствию Дынина, обнаружился какой-то вихрастый и сумрачный парень, ничуть не похожий на больного. При появлении постороннего он поспешно поднялся со стула и заступил Дынину дорогу.

«Как же я не сообразил, – с досадой подумал тот, – конечно, они поставили здесь охрану. Вообще-то здесь мог быть милиционер, но им не нравится, как работает милиция. Ничего, придется им смириться с тем, что есть».

– Вы кто такой? – подозрительно спросил парень, выразительно откидывая в сторону полу пиджака. За поясом у него торчал вороненый пистолет с коричневой пластмассовой рукояткой.

Дынин молча показал удостоверение. Парень непреклонно покачал головой.

– К хозяину нельзя, – сухо сказал он.

Дынин несколько секунд презрительно рассматривал его, а потом спросил:

– Ты, похоже, меня не знаешь?

Парень заметно насторожился, но ответил уверенно, лениво растягивая слова:

– Какая разница – знаю или не знаю? У меня приказ – никого сюда не пускать!

Дынин улыбнулся, развел руками:

– Приказ – дело святое, верно? Ну, тогда я пошел?

– Да, – холодно сказал охранник, обманутый покладистостью опера.

Дынин неторопливо повернулся к парню спиной, протянул руку к двери. И вдруг резко бросил ее назад, вкладывая в движение плечевого сустава энергию всего своего стокилограммового тела, словно включая железную неудержимую машину, предназначенную дробить и сминать. Его локоть с чудовищной силой врезался парню под ложечку и согнул его пополам, точно куклу из мягкой резины. И тотчас Дынин, бесшумно повернувшись на каблуках, с обеих сторон ударил парня по шее ладонями. Но это он проделал уже аккуратно, почти нежно, стараясь не искалечить. И так же нежно он подхватил его потом под мышки, усаживая осторожно на пол в углу предбанника.

– Вот так, отдохни, – бормотал он себе под нос, выдергивая у парня пистолет из-за пояса. – Не все же работать...

Дынин выпрямился, сунул в карман «ствол» и вошел в следующую комнату. Шапошников лежал на кровати, погруженный в белизну одеял и подушек. Он почти неузнаваемо изменился – осунулся и пожелтел. Кожа на щеках свисала дряблыми складками. К ноздрям его тянулись прозрачные трубки от кислородного аппарата, в локтевых венах обеих рук торчали стальные иглы, зафиксированные полоской пластыря, через которые в кровь с томительной неторопливостью капали какие-то живительные растворы. Шапошников был в сознании.

Дынин подошел ближе, оценивающе разглядывая раненого. Он не был уверен, что сумеет его разговорить. В тусклых глазах Шапошникова не отразилось никаких эмоций, он даже не обеспокоился. Возможно, он так был напичкан лекарствами, что вообще ничего не понимал.

Но отступать было поздно, Дынин полез в карман за красной книжечкой и почти уже достал ее, как вдруг Шапошников пошевелил сизыми, будто замерзшими губами и с присвистом пробормотал:

– А я тебя знаю... Ты – Дынин, верно?.. – Он на секунду будто задохнулся, а потом добавил, безуспешно пытаясь изобразить на лице улыбку: – Вот такие дела, Дынин! Сегодня ты король, а завтра – кусок дерьма... Ну, что смотришь? Херово я выгляжу, да?

Дынин, слегка удивленный тем, что банкир его узнал, официально они никогда не были знакомы, почесал подбородок и ободряюще сказал:

– Да нет, нормально! Бывает, хуже выглядят... В морге, вот...

В глазах Шапошникова на мгновение вспыхнул огонек изумления, сменившийся затем каким-то безумным весельем, отчего лицо банкира вдруг оживилось и даже будто слегка порозовело. Шапошников коротко засмеялся, как закашлял, и с усилием сказал:

– Ну, ты... отмочил... Дынин! В морге... Это – да... А пока грех жаловаться, верно?.. Слушай! Ты где... раньше был?..

– Да меня и сейчас не хотели пускать, – невозмутимо заметил Дынин, чрезвычайно довольный тем, что Шапошников заговорил. – И зря, между прочим! Время идет, а следствие стоит... Ты бы мне помог, Александр Григорьевич, а? Пока языком работать можешь... Ты сильно не напрягайся – так, вкратце... Ты этих подонков знаешь?

Шапошников какое-то время пристально смотрел на него, а потом сказал:

– Знал бы, так они бы давно рядом лежали...

– Ну, а может, запомнил кого?

– Нет... в масках они... в «адидас»... не узнал...

– А кому тебя замочить хотелось? Намек есть какой? Дорогу кому перешел, что ли?

– Слушай, Дынин... это со стороны кто-то... шпана... за «зеленью» приходили...

– Откуда «зелень»? Ты с собой наличку имел? Или у твоей женщины в чулке было?

Шапошников ответил не сразу – то ли отдыхал, то ли не хотел говорить:

– Ладно, тебе скажу... Зацепил ты меня... Никому не говорил... День рождения у нее был... у покойницы... Пятьдесят тысяч баксов... в подарок... Что поделаешь, любовь...

– Ты принес с собой такую сумму? – удивился Дынин. – Налом? Не слабо! И эти отморозки знали? Ты в этом уверен?

– На все сто... чемоданчик взяли... сразу... больше ничего...

– Та-ак! Откуда могли узнать? Твои люди в банке? Брат? Кто еще?

– Исключено... – пробормотал Шапошников. – Никто не мог знать, что баксы будут со мной... Только...

– Только что? – насторожился Дынин.

– Только Лидия, – просипел Шапошников. – Ее Лидией звали... Только зачем ей?..

Дынин хмыкнул. Действительно, зачем трепаться насчет такого подарка лихим отморозкам. Для этого существуют лучшие подруги. Только кое-что ему было непонятно.

– Выходит, это не сюрприз был? – уточнил он. – Она... э-э... знала о деньгах заранее?

– Знала, – покаянно прошептал Шапошников. – Так получилось...

- Понятно, – сказал Дынин. – Кому твоя женщина могла довериться? Подруги, семья...
- Не знаю... – пробормотал банкир. – Мне казалось, что она очень одинока...

Дынин хотел еще спросить насчет стрельбы, его интересовало, в какое место Шапошников ранил бандита, но в этот момент тихо звякнули стекла в окнах, и в палату стремительно ворвался давешний доктор, неприступный и гневный.

– Что здесь происходит? – проговорил он, стремительным шагом проходя через предбанник и, кажется, даже не заметив прикорнувшего в уголке охранника.

Дынин подмигнул обессилевшему от воспоминаний Шапошникову и спокойно обернулся к хирургу.

– Провожу дознание, доктор, – добродушно сообщил он, юмористически поглядывая на возмущенное лицо врача. – Но я уже закончил.

– Немедленно покиньте палату! – категорическим тоном приказал хирург.

– Уже покинул, – буркнул Дынин, оттирая врача в сторону могучим плечом и одновременно выгребая из кармана чужое оружие.

Кажется, хирург истолковал этот жест наихудшим образом, потому что глаза его панически округлились, но Дынин, уже не обращая на него внимания, перешел в соседний закуток, где очухавшийся охранник пытался найти точку опоры, цепляясь за гладкие стены.

– Держи свою пукалку, сынок! – ласково сказал Дынин, вставляя «ствол» парню за пояс. – И в следующий раз не стой у меня на дороге – здоровее будешь!

Парень едва ли понимал, что ему говорят, и все силился встать, блуждая по сторонам очумелыми глазами. Дынин похлопал его по плечу и вышел, проигнорировав усилия врача показать, кто здесь хозяин, – пусть петушится, дело сделано.

Уже покидая отделение, Дынин снова увидел чернобровую смуглянку. Она почему-то все еще стояла на лестнице с таким видом, точно пыталась вспомнить что-то важное. На секунду ее взгляд без особого интереса задержался на внушительной фигуре Дынина и тут же переключился на что-то другое.

Но и этого короткого мига хватило, чтобы Дынина обдало то ли жаром, то ли холодом, и он ощутил, как сжимается сердце от странного чувства, в котором были и возбуждение, и разочарование одновременно. «Эх, где мои семнадцать лет», – с веселым отчаянием спросил он себя, грузно сходя по ступеням, ясно понимая, что вопрос этот не имеет смысла, а лишь создает лишние препятствия на пути Дынина к вожделенному покою.

Он покрутил неодобрительно головой и полез в карман за спасительными сигаретами. Не дотерпев, щелкнул зажигалкой уже в вестибюле и, окутавшись дымом, вышел из корпуса на яркое солнце. Обещание, которое Дынин дал Картавину, начисто вылетело у него из головы.

Глава 4

Верно говорят, что смерть всех равняет. Голыми мы в этот мир приходим, так и уходим. Ничего с собой не прихватишь – ни парчи, ни золота, ни хором каменных. Как бы еще и в убытке не остаться. Кончить жизнь, как, например, Лидка Козлова кончила, – это и врагу не пожелаешь.

Уже девять дней прошло с похорон, а Марина до сих пор в себя прийти не могла. Еще бы, как-никак они с Лидкой были лучшими подругами и, хотя в последнее время встречались нечасто, отношения сохраняли. Когда дружишь с пятого класса, это все-таки что-то значит.

Конечно, жизнь их все равно развела бы. Лидка свой счастливый билетик вытащила. Другое дело, что недолгое ее счастье было, но это кому что на роду написано. А вообще ей везло – не в пример Маринке. Это надо же – отхватить такого любовника, первого банкира в городе! Но у Лидки на это всегда нюх был просто звериный! И манеры у нее откуда-то появлялись такие, будто она всю жизнь по столичным тусовкам ошивалась. Ну, и внешность. То ли от природы, то ли секрет она какой знала, но в свои тридцать с малюсеньким хвостиком Лидка умудрялась так выглядеть, что больше двадцати пяти ей никто не давал. Разве что по утрам, спозаранку, когда не перед кем напрягаться, все эти синяки и шрамы, которых за три десятка от души нахватаешь, как ни береги себя, вот тогда все они, может, и вылезали из нее, как шило из мешка. Но в такие минуты Лидка до себя никого не допускала, разве что Маринку, и то не каждый раз.

Одним словом, фартило ей, не то что подружке. Маринка-то выше мастера в зачуханном салоне красоты не пошла. Целый день на ногах, от этого у самой красоты не прибавилось. Да и денег тоже. Какие это деньги – смех, а не деньги, особенно если сравнить с тем, что Лидка имела.

Этот банкир и квартиру ей обставил, и кольца дарил, и тряпки парижские. Бывало, и наличные подкидывал – за один раз столько, что Маринке целых полгода нужно в своей «Короне» крутиться, чтобы такую сумму заработать. А перед самой смертью вообще пообещал в подарок пятьдесят штук баксов! Целое богатство. Маринка и представить себе не могла таких денег. Ей-то с мужиками не везло напрочь. Почему-то ей попадались только такие, которые все норовили за ее счет проехаться. Два мужа было – и оба пьяницы несусветные. Потом-то она поняла, что ей лучше одной жить, так проще. Приходящие мужики тоже все больше никудышные попадались, но эти хоть из дома не тащили, а в случае чего Маринка с ними не церемонилась. Прибыли только с них не было никакой, так, развлечение. Как ни крути, а совсем без мужика не получается. Говорят, на Западе искусственных мужиков придумали, вибраторы всякие, но до такой пошлости Маринка опуститься не могла, хотя любопытно было бы взглянуть хоть одним глазком на заморские чудеса.

В общем, судьба у них с подругой сложилась – небо и земля. Правда, это еще как посмотреть. Она худо-бедно, а живет еще, а Лидку в землю закопали. И что интересно, только ее грешная душа отлетела, и стала она никому не нужна. И похороны вышли какие-то торопливые и совсем не пышные – хоронила-то одна старая мать да еще кой-какая родня, а из этих, из крутых, и не помог никто. Ни копейки не дали. Маринка так и не узнала, получила Лидка перед смертью свои пятьдесят тысяч или нет.

Может, и получила – порадовалась напоследок. Только к утру от этих баксов и следа не осталось. То ли убийцы взяли, то ли милиция прибрала. А может, и сам Шапошников назад их потребовал, он ведь живой остался, ему теперь нужнее.

В общем, закончила свой жизненный путь Лидка, страшно закончила. Обиднее всего, что не по своей вине. Просто прислонилась к этому богатенькому, а не подумала, что живут они по волчьим законам и грызут друг друга как волки. Бешеные деньги без крови, видать,

не даются. Вот и угодила Лидка в самую разборку. И умерла, как в насмешку, в свой день рождения. Ровно тридцать один прожила – день в день, будто нарочно подгадала.

Марина на похоронах была, а на поминки не пошла – не смогла. Хотелось одной побыть. Скверно и пусто было у нее на душе, гадко, как на проселочной дороге в осеннюю слякоть. А еще Марине было стыдно, что горюет она не о подруге, а о себе, оказывается. Никому бы она в этом не призналась, а себе врать не хотела.

Лидке-то теперь все трын-трава. Покой и забвение. И не состарится она уже никогда, теперь ей ничего не страшно. Глупо, но Маринка опять ей как будто завидовала.

Ей-то еще жить, а что впереди? Распухшие ноги, морщины, расплывшаяся фигура, потускневшие волосы. Осточертевшая работа и водочка по выходным. И одиночество, что день ото дня все беспросветнее, и страх смерти пополам с горечью, что такая бестолковая вышла жизнь...

Со смертью подруги одиночество уже всерьез напомнило о себе. О семье хотелось бы помечтать, да что-то не получалось. Маринка, хоть и любила выпить, на жизнь смотрела трезво. Кому она нужна – цветок в пыли? Просто переспать – и то желающих не найти. Мужики в последние годы как-то помельчали, поредели и больше норовили при случае забраться в пивную, а не бабе под юбку.

Последний Маринкин хахаль не из таких был, но тоже с прибабахом. Правда, выбирать-то ей особо и не из кого было. А этот хотя бы не жмот был – денег не жалел, продукты покупал, водку самую лучшую, иногда подарки дарил. Не такие, как банкир, но тоже не мелочь какую-то, один раз даже цепочку Маринке купил золотую. Пил крепко, но головы не терял, держался как штык. И в любви был большой мастер, а за это женщина многое простить может. Одно плохо – редкий он у нее гость был. Заходил когда вздумается и всегда неожиданно. И так же неожиданно исчезал. На расспросы отвечал односложно – дела. Вроде бы работал он в автосервисе – так он говорил, но Маринка в этом сильно сомневалась. У тех, кто с моторами возится, руки вечно словно мазутом измазаны, дочиста не ототрешь, а у этого даже под ногтями всегда чисто, как у доцента. Хотя ладони и грубые, все в каменных мозолях. Да и мускулатура у него такая, что закачаешься. Не Шварценеггер, конечно, но что-то вроде этого.

Познакомились они случайно, на какой-то шумной свадьбе, куда Маринка и попала-то нежданно-негаданно, просто затащила одна подруга. Никого, кроме нее, там Маринка не знала, а этот подсел сам, представился Николаем, а минут через пять без всяких предисловий предложил отправиться к ней домой. Маринка опешила, но отказать почему-то не смогла.

С тех пор и пошло. Маринка, кажется, даже начала привыкать к этому странному неразговорчивому мужику, который хотя и оказался моложе ее на два года, но выглядел даже старше, настолько он был всегда серьезен и уверен в себе.

Николай никогда на эту тему не говорил, но при нем Маринка уже не рисковала встречаться с другими мужчинами. И это несмотря на то, что Николай иногда исчезал из ее жизни на три-четыре недели, а появляясь, даже не считал нужным что-то объяснять.

В каком-то смысле Маринка даже чувствовала себя с ним как за каменной стеной, таким он казался непроницаемым и сильным. Николай ни разу ее не обидел, что тоже было для Маринки немного удивительно. В этом была неведомая ей прелесть новизны. Правда, она не давала для этого поводов, но прежние ее дружки и в поводах не нуждались.

Иногда Маринка даже позволяла себе изливать в присутствии Николая душу, делилась сомнениями и мечтами. Обычно это происходило после бурных любовных упражнений и давало ей иллюзию общения, родства душ. Николай выслушивал ее терпеливо, никогда не перебивал, но редко подхватывал разговор. Он вообще не любил трепать языком. Однажды Маринка даже набралась смелости и спросила Николая, не работает ли он в каких-нибудь спецслужбах. В душе она уже не сомневалась в этом.

Тогда она впервые услышала, как Николай смеется. Почему-то ее вопрос страшно разве-селил его. Он смеялся минут пять, она даже слегка обиделась. А Николай, заметив это, ласково потрепал ее по обнаженному плечу и проговорил:

– Ты думаешь, если баба работает на панели, то она непременно скажет об этом мужу?

Что он имел в виду, Маринка так до конца и не поняла, но подозрения насчет того, что Николай фээсбэшник или того хлеще, еще больше в ней укрепились. Это все объясняло – и его долгие отлучки, и постоянное молчание, и ощущение силы, которое столь явственно от него исходило.

Теперь вот он опять пропал, а Маринке без него было совсем тошно. А ведь Николай не мог не знать про жуткое убийство, об этом гудел весь город. И о том, что Лидка – лучшая ее подруга, он тоже знал. Маринка сама ему рассказала в хорошую минуту.

Намекнула, что завидует белой завистью. Намекнула с расчетом, а вдруг это наведет Николая на мысль о браке. Правда, пример был не совсем удачным – Шапошников был Лидке далеко не мужем, но в своих рассказах Маринка представляла его так, что получалось, будто почти и муж. И про пятьдесят тысяч выложила для эффекта, Лидка ей заранее похвасталась.

Николай выслушал хладнокровно, но выспросил все до тонкостей – и где Лидка живет, и когда у нее день рождения, и пригласила ли она Маринку отмечать знаменательную дату. Это у Маринки было самым больным местом – ясно было, что за одним столом с Лидкиным банкиром ей не сидеть. Дружба дружбой, а табачок врозь. Просто она собиралась на следующий день забежать – поздравить и подарить какую-нибудь безделушку, неважно какую. Чем она могла удивить подругу, которая запросто загребает по пятьдесят тысяч?

Вот и забежала. Этот день, шестнадцатое августа, она до самой смерти не забудет. Хорошо еще, она не видела всего. Говорят, там такое творилось! Мужики не выдерживали. Какого-то мента, рассказывают, прямо вырвало, как он все это увидел. Бедной Лидке просто полголовы снесли, будто из пушки стреляли, и ничегошеньки не осталось от ее красоты и молодости.

Но Маринка, к счастью, этого так и не увидела. Она видела только, как трупы выносили, простынями накрытые. И темное пятно крови на асфальте перед входом. А внутрь ее не пустили, там ментов было море, да она и не рвалась.

Ей вообще в ту минуту сделалось так плохо, что Маринка подумала: «Сейчас и меня – под белой простыней, за компанию». Голова закружилась, руки-ноги отнялись, язык – чудом она там не рухнула. Спасибо, какой-то пожилой мужчина помог, накапал корвалола, заставил выпить, тогда чуть полегче стало. Забавный мужичок, обстоятельный – это же надо, всегда при себе корвалол носить, стаканчик. Когда Маринка отошла чуть-чуть, на нее вдруг такой смех напал, самой страшно стало. Хохотала до икоты, пополам со слезами.

А после похорон то же самое было. Опять язык отказал, и ноги как ватные сделались, а в глазах мошки какие-то запрыгали, искорки. Маринка решила, что умирает, переполошила соседей. Но в тот раз быстро отпустило.

По-настоящему скрутило ее вчера, на работе. Это уж, как говорится, получился полный абзац. Только что в руках у нее были золотистые волосы очередной клиентки, расческа, тускло посверкивало зеркало, шумел фен – и вдруг чернота, провал, а потом, как из-под земли, стали возвращаться какие-то крики, пятна, какая-то вода текла по ее лицу...

Сослуживцы вызвали «Скорую». Нестарый внимательный мужчина-врач осмотрел Маринку в подсобке, решительно выставив оттуда сторающих от любопытства товарок.

Маринка, запинаясь и путая слова, отвечала на вопросы, покорно раздевалась-одевалась, дрожащими пальцами подолгу нащупывала застёжки, подставляла доктору то руку, то ногу, то высовывала язык, то пыталась с закрытыми глазами попасть пальцем в кончик носа – делала все, что ее просили. Всю ее обслушав и ощупав, врач сильно нахмурился и сказал:

– Знаете, лично я пока ничего угрожающего не вижу... Скорее всего дело тут в нарушениях чисто функционального характера... У вас, видимо, чересчур лабильная нервная система... Но, поскольку вы говорите, что уже лежали с подобными симптомами в неврологическом отделении, я нахожу целесообразным предложить вам госпитализацию!

Маринка и в самом деле, несмотря на то, что была еще далеко не старуха, уже успела побывать в больнице. Десять дней отлежала. Случилось это года четыре назад. И тогда ее голова подвела, видно, голова была самым слабым ее местом. Но тогда у Маринки были причины. Полоса пошла – сплошные стрессы и на работе, и в личной жизни. С мужчиной рассталась, к которому испытывала чувства, отец тяжело заболел, да и сама она, правду сказать, здорово тогда злоупотребляла по части алкоголя. Лечилась, так сказать, от стресса.

В больнице ее быстро поставили на ноги и посоветовали впредь меньше волноваться, бывать на свежем воздухе и не увлекаться горячительными напитками. Со стороны всегда хорошо советовать.

Однако напугалась тогда Маринка сильно и первое время к советам прислушивалась. Но это только в кино все получается гладко и заканчивается свадьбой. В жизни, наоборот, все валится из рук.

Маринке было ужасно стыдно, что она так расклеилась, что подруги по работе смотрят на нее как на инвалидку какую-нибудь, но в душе опять проснулся невыносимый страх, который нельзя было унять никакими разговорами. И она согласилась поехать в больницу.

Маше Барановой ключи от квартиры оставила, попросила, чтобы та домой к ней съездила, что нужно для больницы собрала – белье, зубную щетку, деньги, теперь без денег лечиться пустой номер, и распрощалась. Настроение у нее такое было, будто никогда уже сюда не вернется.

А когда Маринку доставили в приемный покой, она уже чувствовала себя почти здоровой, только слабость небольшая осталась. Впору назад идти. Но теперь ей было совестно, что из-за нее занятые люди теряли время, и она не стала их разочаровывать. «Пусть уж все идет как идет», – подумала она.

Врач «Скорой» передал ее с рук на руки какой-то противной врачихе – толстой и крикливой, с тяжелым равнодушным взглядом. Едва посмотрев на Маринку, она сердито велела ей ждать на диванчике.

– Сначала закончу с черепно-мозговой, – сурово заявила она.

Маринка послушно присела на засаленный диван и через приоткрытую дверь наблюдала за тем, что происходит в приемном покое. Кроме злой врачихи, там присутствовали еще медсестра, некрасивая крупная девушка, ровесница Маринки, и косоглазая, передвигающаяся вперевалку санитарка. Еще там сидел длинный жилистый мужик, голова которого была замотана окровавленным бинтом. Он на что-то злился, стучал кулаком по столу и обзывал врачей коновалами.

– Ведите себя прилично, мужчина! – презрительно отвечала ему противная врачиха. – Не я вас по голове рессорой ударила!

Но тот продолжал буйствовать, будто придерживался иного мнения. Так продолжалось до тех пор, пока в приемную не заглянул новый доктор – молодой, высокий, с веселыми глазами и спортивным ежиком на голове.

– Вот, Дмитрий Иванович, посмотрите, – обратилась к нему толстая врачиха. – К вам в отделение? А то он уже тут скандалит... Такой нервный мужчина!..

– А что тут у нас, Анастасия Степановна? – с интересом спросил молодой человек, подходя к столу и одним глазом заглядывая в журнал. – Так! Рессорой, значит? Травматолог смотрел? – И тут же задал вопрос мужчине: – Сознание теряли?

– А мне откуда знать, чего я терял? – мрачно ответил травмированный. – В глазах потемнело – и все! Вы лечить-то будете или так разговоры и будем разговаривать? – он опять начал заводиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.